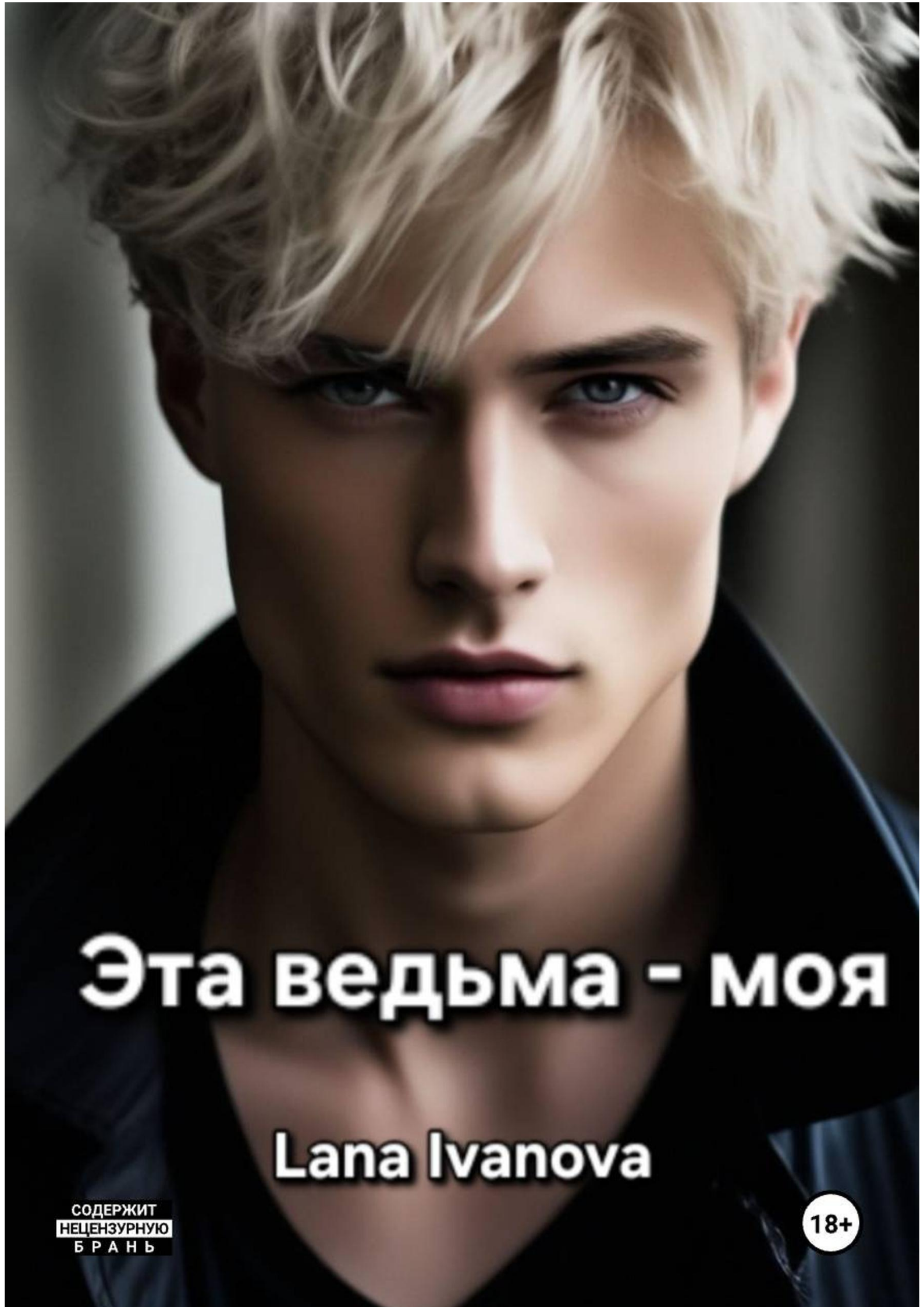

A close-up portrait of a young man with light blonde, wavy hair and blue eyes. He is looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark, possibly black, jacket or shirt. The background is a soft, out-of-focus grey.

Эта ведьма - моя

Lana Ivanova

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Иванова

Эта ведьма - моя

«Автор»

2026

Иванова Л.

Эта ведьма - моя / Л. Иванова — «Автор», 2026

Три года назад мир узнал о существовании вампиров, и с тех пор люди научились жить рядом с хищниками, которые больше не прячутся. Но когда язвительная барменша Вики — девушка, на которую не действует вампирский гипноз, — привлекает внимание древнего и жестокого вампира Алекса, между ними вспыхивает опасная война воли, желания и власти. Он не должен был её захотеть. Она не должна была стать его слабостью. А где-то во тьме уже тянет к ней руки тот, кто хочет не её сердце, а силу её крови. С другой стороны зала к ним уже шёл Алекс. Быстро. Спокойно. Прямо Алекс остановился рядом с ней — слишком близко, слишком уверенно, как будто имел на это право. Вики перевела глаза на Алекса. — Это что сейчас было? Он не смотрел на неё. Смотрел туда, где только что стоял Себастьян. — Тебе лучше сегодня держаться ближе к выходу, — сказал он. Вики моргнула. — Что? Теперь он всё-таки повернулся к ней. Синие глаза были холодными как лёд. — Я сказал: тебе лучше быть осторожнее.

© Иванова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дом в котором стало слишком тихо.	5
Глава 2 Гость, которого не звали.	9
Глава 3 Ночные огни.	16
Глава 4 Вкус ночи.	24
Глава 5. Хищник с ледяными глазами.	31
Глава 6 Девушку, которую нельзя согнуть.	42
Глава 7 Гости на пороге.	51
Глава 8 Первое пробуждение.	53
Глава 9 Семейные скелеты в шкафу.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лана Иванова

Эта ведьма - моя

Глава 1 Дом в котором стало слишком тихо.

После смерти бабушки дом не стал пустым.

Он стал чужим.

Вики заметила это не сразу. Сначала были счета, бессонные ночи, звонки из больницы, потом похороны, липкие объятия соседок, запах дешёвых лилий и фразы вроде она теперь в лучшем месте, от которых хотелось кого-нибудь ударить. Потом — работа без выходных, бесконечные подносы, разлитое пиво, чаевые мелочью и тупое, вязкое желание не думать вообще ни о чём.

А потом однажды ночью она вошла в кухню, щёлкнула выключателем и поняла: тишина в доме изменилась.

Раньше в ней было что-то живое. Скрип старых половиц, шёпот телевизора из комнаты бабушки, звон ложки о кружку, кашель, шаги, дыхание. Теперь тишина будто лежала на мебели тонким слоем пыли и смотрела в ответ.

Вики поставила на стол пакет с продуктами и медленно выдохнула.

— Ну и что ты уставилась? — бросила она в темноту.

Темнота, как и всегда, промолчала.

С кухни тянуло холодом. Холодильник гудел так, словно тоже устал от этой жизни.

Она сняла куртку, бросила её на стул и потеряла шею. После смены в «Ночных огнях» всё тело ломило. Лодыжки ныли. Пальцы пахли лимоном, алкоголем и чужими деньгами. В голове стоял гул голосов, а под глазами залегли тени такой глубины, что можно было прятать в них чужие секреты.

На часах было 02:17.

Нины дома не было.

Ничего нового.

Вики открыла холодильник, уставилась на полупустую полку и захлопнула дверцу. Есть не хотелось. Хотелось лечь лицом вниз и не вставать до следующего века.

Но вместо этого она подошла к окну.

И увидела машину.

Чёрную. Дорогую. Чужую.

Такие машины не заезжали на их улицу случайно.

Она нахмурилась, прищурилась, но из-за занавески и тусклого фонаря было видно только длинный блеск капота и тёмный силуэт за рулём.

Через секунду пассажирская дверь открылась.

Из машины вышла Нина.

Даже в полутьме Вики узнала бы сестру по походке — лёгкой, будто земля специально делалась мягче под её каблуками. Светлые волосы блеснули под фонарём. Нина наклонилась к окну машины, сказала что-то водителю и засмеялась.

Этот смех Вики знала тоже.

Так Нина смеялась только рядом с мужчинами, которые уже считали себя победителями.

Дверца закрылась. Машина тронулась с места и бесшумно скользнула прочь.

Нина поднялась на крыльцо, всё ещё улыбаясь, и только вставила ключ в замок, как дверь распахнулась изнутри.

— Миленко, — сказала Вики, скрестив руки на груди. — Особенно часть, где ты возвращаешься домой среди ночи с таким лицом, будто только что подписала контракт с дьяволом.

Нина, не вздрогнув, вошла в дом.

— Боже, Вики, ты можешь хотя бы иногда не звучать как раздражённая учительница из дешёвого сериала?

— А ты можешь хотя бы иногда не вести себя так, будто твой мозг снимает квартиру где-то очень далеко от тела?

Нина закатила глаза и бросила сумку на тумбу.

— У меня была встреча.

— В два ночи?

— Представь себе, взрослые люди иногда не отчитываются перед старшими сёстрами.

Вики захлопнула дверь чуть сильнее, чем собиралась.

— Взрослые люди, — процедила она, — не садятся в машины к незнакомцам.

— Он не незнакомец.

— Конечно. Это всегда говорится тоном, после которого обычно вызывают полицию.

Нина тяжело вздохнула, снимая пальто.

— Ты невозможна.

— А ты беспечная дура.

Нина резко вскинула голову.

Мгновение — и воздух между ними натянулся, как проволока.

Они умели ссориться почти без разгона. Слишком много лет практики.

— Ты просто не выносишь, — тихо сказала Нина, — что кому-то со мной интересно.

Вики коротко усмехнулась, но в этом звуке не было ни капли веселья.

— Нет, Нина. Я не выношу, когда ты ведёшь себя так, будто внимание — это то же самое, что безопасность.

— Не делай вид, что заботишься. Тебе просто нужно чувствовать, что ты главная.

Вот оно.

Старое. Больное. Привычное.

Вики отвернулась, подошла к кухонному столу и взяла стакан, только чтобы занять руки.

— Кто он?

— Какая тебе разница?

— Такая, что это мой дом тоже.

— О, правда? — Нина издала сухой смешок. — Иногда мне кажется, ты хотела бы, чтобы я всё ещё была маленькой и сидела тихо в углу, пока ты героически всех спасаешь.

Вики медленно поставила стакан обратно.

— Если бы ты хоть раз в жизни поняла, сколько стоило это «героически», ты бы, может, научилась закрывать рот вовремя.

Нина замолчала.

Удар попал точно.

Лицо у неё стало жёстче, красивее и холоднее — как у женщин на рекламных плакатах, которым не больно, даже если их режут по живому.

— Его зовут Калёб, — сказала она наконец. — И он, в отличие от некоторых, умеет разговаривать со мной так, будто я не проблема, которую надо решать.

Вики подняла взгляд.

— Калёб кто?

Нина улыбнулась странно, медленно, почти вызывающе.

— Вампир.

В кухне стало тихо.

Слишком тихо.

Вики смотрела на сестру несколько секунд, не моргая.

— Нет.

— Да.

— Ты шутишь.

— Почему? Потому что не спросила у тебя разрешения?

— Потому что ты впустила в свою жизнь хищника, Нина.

— Они давно живут среди нас. Проснись. Это не средневековье.

— Смешно, что именно это обычно и говорят люди перед тем, как сделать чудовищную глупость.

Нина подошла ближе.

— Ты их просто боишься.

— Конечно боюсь. У нормальных людей это называется инстинкт самосохранения.

— А по-моему, тебя бесит другое.

Вики прищурилась.

— И что же?

Нина склонила голову набок.

— Что он даже не посмотрел на тебя.

Внутри что-то дёрнулось.

Старое, мерзкое, знакомое.

Как в школе. Как на вечеринках. Как везде, где рядом была Нина и любой мужской взгляд неизбежно соскальзывал мимо Вики, будто она была не женщиной, а предметом мебели с дурным характером.

Но Вики давно научилась выживать там, где больно.

Она усмехнулась.

— Если бы на меня смотрели такие, как твой кровосос, я бы уже начала задумываться, где в жизни свернула не туда.

Нина фыркнула, но глаза её блеснули.

Попала и Вики.

Ничья.

Пока что.

— Он придёт завтра, — сказала Нина. — И будь добра, не устраивай сцен.

— Если вампир придёт в мой дом, сцена уже начнётся автоматически.

— Господи, ты невыносима.

— Зато предсказуема. А ты нет. И это как раз проблема.

Нина схватила сумку и направилась к лестнице.

На второй ступеньке обернулась.

— Кстати, он сказал, что у тебя странный запах.

Вики нахмурилась.

— Что?

— Не знаю. Он выразился как-то... иначе. Сказал, будто от тебя пахнет не так, как должно пахнуть человеку.

На этот раз улыбка Нины вышла натянутой.

— Наверное, это потому, что ты всегда готова укусить первая.

Она ушла вверх.

Вики осталась одна на кухне, среди гудящего холодильника, дешёвого света и вязкой тишины.

Странный запах.

От неё.

Она медленно подняла руку к шее, будто могла нащупать там ответ.

За окном шевельнулась темнота.
Вики резко повернула голову.
Никого.
Только пустая улица. Фонарь. Деревья. Ветер.
И всё же ощущение чужого взгляда не проходило.
Словно что-то уже заметило её.
И не собиралось отпускать.

Глава 2 Гость, которого не звали.

Утро пришло серым и липким.

Вики проснулась не потому, что выспалась, а потому, что кто-то слишком громко смеялся внизу.

Она лежала, не открывая глаз, несколько секунд и пыталась понять, где находится. Потолок над кроватью был тот же — с тонкой трещиной в углу, которую бабушка собиралась закрасить ещё прошлой весной. Воздух в комнате был тяжёлый, спертый, с привкусом недосыпа и старого дерева. Но в доме было что-то чужое.

Не звук.

Не запах.

Присутствие.

Вики медленно села на кровати и посмотрела на часы.

11:36.

— Прекрасно, — пробормотала она хриплым со сна голосом. — Ещё немного, и можно было бы уже не просыпаться, а сразу идти на следующую смену.

Снизу снова донёсся смех Нины. Лёгкий, звенящий, тот самый, который появлялся у неё только рядом с мужчинами, на которых она уже мысленно примерила победу.

Вики провела ладонью по лицу, стянула волосы в небрежный хвост и натянула футболку поверх шорт. Настроение у неё и без того было паршивым, а присутствие вампира в доме делало его почти празднично-отвратительным.

На лестнице она остановилась.

Из кухни доносились голоса. Нина говорила чуть громче обычного — значит, старалась казаться ещё более очаровательной. Мужской голос отвечал тихо, спокойно, с той ровной вежливостью, от которой у Вики сразу зачесались нервы.

Она спустилась медленно, стараясь не выдавать раздражения раньше времени.

Калёб сидел за их кухонным столом так, будто был частью дорогой рекламы, которую случайно занесло в старый дом с облупленной краской и скрипучими полами. Тёмные волосы, серые глаза, безупречная осанка, чёрная рубашка, идеально сидящая на сильных плечах. На фоне их потёртой кухни он выглядел почти неприлично чужеродно — слишком гладкий, слишком собранный, слишком красивый.

Нина стояла у плиты в одном коротком домашнем платье и жарила яйца с таким видом, будто они снимались в сцене семейного счастья.

Первой Вики увидела его руку.

Слишком бледную.

Слишком неподвижную.

Пальцы лежали на столе расслабленно, но в этой расслабленности было нечто хищное. Как у зверя, которому не нужно дёргаться, потому что он и так уверен, что всё вокруг принадлежит ему.

Калёб поднял взгляд.

И улыбнулся.

Не широко. Не фальшиво. Не нагло.

Но у Вики по спине всё равно прошёл холодок.

— Доброе утро, — сказал он.

— Сомневаюсь, — отозвалась она и прошла к шкафу за кружкой.

Нина закатила глаза.

— Вики, можно хотя бы пять минут без твоего характера?

— Можно, — сказала Вики, доставая кружку. — Если у нас дома перестанут появляться вампиры без предварительного согласования.

— Я стучал, — мягко заметил Калёб.

— А я всё равно против.

Нина раздражённо щёлкнула лопаткой по краю сковороды.

— Господи, ты ведёшь себя так, будто я притащила сюда маньяка.

Вики повернулась к ней.

— Ты притащила сюда хищника, Нина. Если очень хочется, можем поспорить о терминологии.

— Я не собираюсь тебя есть, — спокойно сказал Калёб.

Вики перевела взгляд на него.

— Удивительно, как часто это приходится уточнять, когда разговор заходит о вашем виде.

На губах Калеба дрогнуло что-то похожее на искреннее amusement.

Это почему-то разозлило её ещё сильнее.

Она включила чайник, скрестила руки на груди и наконец внимательно посмотрела на него.

Он был красив. Объективно. Этой красотой пользовались как оружием — Вики видела такое и раньше, просто не в такой опасной версии. У вампиров всё было чуть слишком: взгляд — слишком прямой, черты — слишком точные, движения — слишком экономные. Как будто они были сделаны не для жизни среди людей, а для того, чтобы люди забывали, что перед ними не человек.

Но больше всего её настораживало не это.

А то, как он смотрел.

Не на её лицо. Не на её фигуру. Не с мужским интересом. Не с раздражением.

С изучением.

Словно что-то сверял.

— У тебя выходной? — спросила Вики у Нины.

— До трёх.

— И ты решила потратить его на завтрак с кровопийцей?

— О боже, ты можешь не разговаривать как деревенская бабка из фильма ужасов?

— Не могу. У меня наследственное.

На долю секунды в глазах Калеба мелькнуло что-то острое.

Так быстро, что Нина ничего не заметила.

А Вики — заметила.

Мелочь. Едва ощутимая. Но словно слово попало не в воздух, а точно в цель.

Нина поставила тарелки на стол с чуть более резким звуком, чем требовалось.

— Он, между прочим, очень нормально себя ведёт.

— Для вампира? — уточнила Вики.

— Для мужчины.

Вики сухо усмехнулась.

— А, ну тогда конечно. Памятник на площади. За минимальный набор манер.

Калёб откинулся на спинку стула, не отрывая от неё взгляда.

— Вы всегда так защищаетесь?

Вики прищурилась.

— Простите?

— Шутками, колкостями, нападением на шаг раньше, чем кто-то успеет приблизиться.

Нина нервно улыбнулась.

— Не начинай, Калёб. Она просто...

— Очень гостеприимная? — подсказала Вики.
— Очень настороженная, — закончил он.
Тишина на секунду стала плотнее.
Чайник щёлкнул, выключаясь.
Вики не сразу двинулась с места.
— Настороженность ещё никого не убила, — сказала она.
— Это спорное утверждение, — так же спокойно отозвался Кaleb.
Нина рассмеялась, будто он сказал что-то остроумное.
Вики налила себе кофе и специально не села за стол. Осталась стоять у мойки, будто ей так было удобнее. На самом деле — потому что так проще держать дистанцию.
Кaleb взял вилку, но не ел.
Вики заметила это почти сразу.
Нина — нет.
— Ты вообще собираешься притрагиваться к еде? — спросила Вики.
Нина недовольно посмотрела на неё.
— Может, хватит?
— Что? Мне правда интересно. У нас тут кулинарный эксперимент: завтрак для того, кто технически мёртв.
Кaleb чуть склонил голову.
— Я могу есть человеческую пищу. Просто не испытываю к ней особого интереса.
— Как печально. А я уж надеялась, что тебя хотя бы яичницей можно обезвредить.
Нина фыркнула.
— Иногда мне кажется, ты специально пытаешься, чтобы тебя кто-нибудь однажды придушил.
— Иногда мне кажется, что это и есть твой тип мужчины.
Нина резко поставила чашку.
— Всё, хватит.
— Нет, не хватит, — Вики тоже повысила голос. — Ты привела в дом вампира, которого знаешь сколько? Неделью? Две?
— Десять дней, — сухо сказала Нина. — И за эти десять дней он проявил ко мне больше уважения, чем ты за последний год.
Удар был точный.
Вики почувствовала, как внутри привычно сжалось что-то тёмное и горячее.
Вина.
Усталость.
Злость за то, что больно — даже когда понимаешь, что половина сказанного несправедлива.
— Я не обязана тебе нравиться, — тихо сказала Вики. — Я обязана не дать тебе сдохнуть по глупости.
— Какая благородная миссия.
— Нина, — голос Калеба прозвучал мягко, но в нём было что-то, что заставило ту мгновенно умолкнуть.
Слишком мгновенно.
Вики это заметила.
Как и то, как у Нины на секунду стекленел взгляд, а потом снова стал обычным.
Небольшая пауза. Ничего явного. Ничего такого, что можно было бы доказать.
Но у Вики ледяной ком упал куда-то под рёбра.
— Не надо, — сказала она, глядя прямо на Калеба.
Он поднял на неё глаза.

— Чего именно?

— Этого.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Конечно.

Нина возмущённо всплеснула руками.

— Господи, Вики, ты уже вообще переходишь границы!

— Нет, это он их переходит.

Калёб медленно встал из-за стола.

Движение было таким плавным, что Нина даже не напряглась. Но пространство кухни будто сразу стало меньше.

Он был выше, чем казался сидя. И шире в плечах. И намного тише любого обычного мужчины.

Вики поставила кружку на столешницу.

Сердце билось чаще. Не от восторга. Не от робости.

От инстинкта.

Калёб сделал шаг в её сторону.

Нина нервно посмотрела то на него, то на Вики.

— Ребята, это уже смешно...

— Нет, — сказала Вики. — Это как раз не смешно.

Калёб остановился на расстоянии вытянутой руки.

Слишком близко.

Его лицо оставалось безупречно спокойным, но теперь Вики отчётливо видела: за этой вежливостью нет человеческой мягкости. Ни капли. Всё, что выглядело как обаяние, было только красивой оболочкой, под которой терпеливо ждал хищник.

— Ты меня боишься, Вики? — спросил он почти тихо.

Она вскинула подбородок.

— Я не настолько глупая, чтобы не бояться того, что может разорвать мне горло быстрее, чем я успею тебя послать.

На губах Калёба снова появилась та лёгкая, опасная улыбка.

— Честно.

— Попробуй пережить среднюю школу с моей фигурой, — сказала Вики. — После этого у человека либо ломается психика, либо появляется талант к честности.

Нина страдальчески прикрыла глаза.

— Ты вообще можешь хоть раз не превращать всё в цирк?

— Если это цирк, то клоуна вы пригласили без меня.

Калёб смотрел на неё не мигая.

Слишком долго.

И в какой-то момент Вики ощутила странное давление. Не на кожу. Не на тело.

На сознание.

Будто воздух чуть уплотнился. Будто за её глазами кто-то очень осторожно нажал пальцами и попробовал развернуть её мысли в нужную сторону.

Тихо. Почти ласково.

Скажи, что всё хорошо. Успокойся. Отпусти.

Вики резко моргнула.

И давление исчезло.

Она вдохнула.

Медленно.

Очень медленно поставила ладонь на столешницу, чтобы не выдать, как сильно вспыхнул внутри гнев.

Вот, значит, как.
— Не смей, — произнесла она так тихо, что Нина, возможно, даже не расслышала.
В серых глазах Калеба впервые мелькнуло настоящее удивление.
Не театральное.
Настоящее.
— Что? — нахмурилась Нина.
Вики не сводила с него взгляда.
— Ещё раз полезешь мне в голову, и я воткну тебе штопор в глаз.
Тишина.
Абсолютная.
Нина уставилась на сестру так, будто та окончательно сошла с ума.
Калеб замер.
Потом очень медленно улыбнулся.
Но теперь эта улыбка не была светской.
Теперь она была хищной.
— Любопытно, — сказал он.
— Для меня — нет.
Нина резко встала.
— Так, всё. Всё, с меня хватит. Вики, ты ведёшь себя как параноик.
— А ты — как идиотка под чужим внушением.
Нина побледнела.
— Что ты сказала?
— То, что слышала.
— Да пошла ты!
— С удовольствием. Но сначала он уйдёт из этого дома.
— Он никуда не уйдёт, пока я не попрошу!
— Тогда проси.
Нина смотрела на неё с такой яростью, что на секунду стала почти похожа на Вики.
— Ты просто завидуешь, — выдохнула она. — Всегда завидовала. Тому, как на меня смотрят. Тому, что меня хотят. Тому, что я могу нравиться без этих твоих защитных шипов.
Слова прилетели ровно туда, куда должны были.
И всё равно Вики выдержала.
Потому что привыкла.
Потому что это было старое оружие, отточенное до блеска.
Она усмехнулась.
Криво. Почти зло.
— Нина, если бы всё, что смотрит на тебя голодными глазами, автоматически было достойно доверия, крысы давно считались бы романтическим символом.
— Ты невыносима!
— Зато живая.
Нина схватила сумку со стула.
— Калеб, пойдём.
Он не двинулся сразу.
Секунду ещё смотрел на Вики.
Как будто пытался решить в уме задачу, ответ на которую ему не понравился.
Потом всё же повернулся к Нине.
— Как скажешь.
Они пошли к выходу. Нина — с гордо поднятой головой. Калеб — спокойно, почти лениво.

Но уже в дверях он остановился и обернулся.

— У вас интересный дом, Вики.

Она скрестила руки на груди.

— А у тебя интересная привычка приходить туда, где тебя не ждут.

— Старые дома иногда хранят то, о чём сами хозяева не знают.

— А старые хищники иногда слишком много о себе воображают.

Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, потом вернулся к глазам.

Ни одной лишней эмоции.

И от этого было только хуже.

— Ты не похожа на сестру, — сказал он.

— Слава богу.

— Не внешне.

Вики промолчала.

Кaleb чуть наклонил голову.

— От вас пахнет иначе.

Нина раздражённо дёрнула его за рукав.

— Кaleb.

Но он всё ещё смотрел на Вики.

— Не как от человека, который ничего о себе не знает.

Хлопнула дверь.

Они ушли.

Тишина, оставшаяся после них, не принесла облегчения.

Вики ещё несколько секунд стояла неподвижно, потом резко выдохнула и подошла к окну.

Машина отъехала не сразу.

Сначала Кaleb открыл пассажирскую дверь для Нины. Что-то сказал ей. Она улыбнулась. Потом сам сел за руль.

Но прежде чем машина тронулась, он поднял голову.

Точно к её окну.

Словно знал, что она стоит здесь.

Даже на расстоянии Вики почувствовала этот взгляд.

Спокойный.

Холодный.

Изучающий.

Машина уехала.

Вики отошла от окна и только тогда заметила, что сжимает пальцы так сильно, что ногти впились в ладонь.

— Чёрт, — прошептала она.

Кофе давно остыл. Яичница на сковороде превратилась в сухую желтоватую массу. Дом снова стал тихим, но теперь эта тишина была другой — напряжённой, настороженной, будто старые стены что-то вспомнили раньше неё.

Вики медленно повернулась к кухне.

И застыла.

На полу возле буфета, там, где солнечный свет из окна еле касался потёртых досок, лежало что-то маленькое.

Она нахмурилась и подошла ближе.

Это был высохший пучок трав, перевязанный чёрной ниткой.

Очень старый.

Почти рассыпавшийся в пыль.

Сердце глухо ударило в грудь.
Она присела на корточки и осторожно подняла находку.
Запах был слабый, но узнаваемый — полынь, что-то горькое, земляное... и ещё что-то,
от чего по коже пошли мурашки.
Вики смотрела на травы, и память вдруг болезненно дёрнулась.
Бабушка.
Её руки.
Шершавые пальцы, завязывающие нитку.
Тихий голос: Некоторые вещи в доме трогать нельзя, девочка. Пока не придёт время.
Вики медленно сжала пучок в ладони.
И впервые за всё утро ей стало по-настоящему не по себе.
Потому что Калёб заметил что-то в ней.
Потому что пытался влезть ей в голову.
Потому что Нина этого даже не поняла.
И потому что в их доме, возможно, уже давно было спрятано что-то, о чём бабушка не
успела рассказать.
За окном скрипнула ветка.
Вики резко подняла голову.
Никого.
Только серый день. Деревья. Пустая улица.
Но теперь она была уверена:
опасность уже не кружила рядом.
Она вошла внутрь.

Глава 3 Ночные огни.

Вики вышла из дома на десять минут раньше, чем обычно, потому что сидеть внутри больше не могла. После ухода Нины и Калеба воздух в кухне так и остался испорченным — не запахом, а ощущением. Словно в дом вошло что-то чужое, постояло в дверях, огляделось и решило, что ещё вернётся.

Пучок высушенных трав она завернула в старую кухонную салфетку и спрятала в ящик комода у себя в комнате. Не потому, что знала, что с ним делать. Просто не хотела оставлять его на виду. Не хотела, чтобы Нина увидела. И уж точно не хотела, чтобы это увидел Кaleb, если снова заявится без приглашения с той своей вежливой мордой и глазами, в которых вместо тепла жили расчёт и голод.

На улице пахло дождём, мокрой пылью и бензином.

Её старый ржавый седан завёлся только со второго раза.

— Ну конечно, — пробормотала Вики, ударив ладонью по рулю. — Потому что в моей жизни и без того было слишком мало драматизма.

Фары встречных машин размазывались по влажному асфальту длинными полосами. Городок жил своей обычной жизнью: аптека с мигающей вывеской, закусочная у поворота, продуктовый, возле которого вечно курили одни и те же люди, и заправка, где кассирша Мел всегда смотрела так, будто лично ненавидела человечество. Может, Вики и уважала бы её больше, если бы у неё было меньше конкурентов в этой категории.

Бар «Ночные огни» стоял на углу двух улиц, рядом с автомастерской и магазином дешёвого табака. Вывеска мерцала красно-синим, обещая веселье тем, у кого были деньги, скука или плохой вкус. Обычно — всё сразу.

Вики заглушила двигатель, взяла сумку и секунду посидела в машине, глядя на знакомую дверь.

Работа не лечила.

Но хотя бы занимала руки.

А когда заняты руки, голове сложнее развалиться на части.

Внутри бара пахло пивом, жареным мясом, лимоном, влажным деревом и мужскими духами, которые стоили слишком дёшево, чтобы ими пользоваться с такой уверенностью. За стойкой уже возился Рэй — коренастый лысеющий мужчина под пятьдесят, владелец бара и единственный человек в радиусе пары миль, способный одновременно ворчать, считать выручку и рассказывать, как именно всё было лучше двадцать лет назад.

— Опаздываешь, — бросил он, не поднимая головы.

— На три минуты, — сказала Вики, завязывая чёрный фартук. — И это не опоздание, а попытка сохранить интригу.

— Клиентам плевать на твою интригу.

— А вот на мои ноги после двойной смены — тоже, но я почему-то всё равно здесь.

Рэй хмыкнул.

— Настроение как всегда мерзкое?

— Нет, сегодня я почти луч света. Просто с ножом.

Он коротко посмотрел на неё, задержал взгляд чуть дольше обычного.

— Всё нормально?

Вики потянулась за чистыми стаканами.

— Конечно. Если не считать того, что моя сестра встречается с вампиром, а сам вампир сегодня завтракал у нас на кухне так, будто планирует оформить постоянную прописку.

Рэй замер.

— Тем самым?

— А их у меня много?

Он шумно выдохнул через нос.

— Мне не нравится, что ты в это влезает.

— Поверь, мне тоже. Но сестра, к сожалению, не входит в список вещей, от которых можно официально отказаться.

Рэй нахмурился, будто хотел что-то сказать, но в бар уже начали подтягиваться первые посетители, и разговор пришлось оставить.

Пятничный вечер набирал обороты медленно, как человек после трёх бессмысленных решений подряд. Сначала пришли двое дальнобойщиков, заказали пиво и крылышки. Потом компания студентов из местного колледжа — шумных, самоуверенных, уверенных, что весь мир когда-нибудь обязательно оценит их посредственность. Следом заглянули постоянные: Джо с больной спиной, Ларри в кепке с рыболовным логотипом, парочка женщин за сорок, которые каждую пятницу делили между собой бутылку белого вина и чужие грехи.

Вики двигалась быстро, привычно, почти автоматически.

Налить.

Улыбнуться ровно настолько, чтобы не спровоцировать лишнего.

Подхватить поднос.

Не слушать глупости.

Не реагировать на слишком долгие взгляды.

Не дать никому перепутать вежливость с доступностью.

Это у неё получалось хорошо.

Жизнь вообще многому учит, когда ты недостаточно красива, чтобы тебя идеализировали, и достаточно заметна, чтобы пытались укусить. Люди редко бывают милыми с женщиной, которая не вписывается в удобную фантазию. Но иногда это даже полезно: быстро понимаешь, что границы никто за тебя не поставит.

Около девяти в баре стало теснее. Музыка сделали громче, воздух потяжелел от тел и алкоголя, а у стойки выстроился тот хаотичный поток заказов, в котором легко забыть о собственных мыслях.

Почти легко.

До того момента, пока один из клиентов не положил ладонь ей на бедро.

Вики даже не дёрнулась.

Просто медленно повернула голову.

Это был мужчина лет тридцати пяти, с красным лицом, дорогими часами и той особой уверенностью, которая появляется у людей, никогда не слышавших слова «нет» от тех, кого они считают ниже себя.

— Убери руку, — сказала Вики спокойно.

Он ухмыльнулся.

— Да ладно тебе, котёнок, я же просто...

— Руку.

Улыбка у него чуть дрогнула.

— Ты всегда такая злая или это для меня персональный сервис?

Вики взяла со стойки его стакан, медленно подвинула к нему и наклонилась совсем немного вперёд.

— Слушай внимательно. Ещё раз тронешь меня без спроса — и остаток вечера будешь пить через трубочку. Если повезёт.

Мужчина прищурился.

— Дерзкая.

— Нет. Просто не продаюсь по акции.

Слева хрипло рассмеялся кто-то из постоянных.

Мужчина убрал руку.

— Стерва.

— И это всё ещё не повод меня лапать.

Она ушла к другому концу стойки, не дав ему возможности ответить. За спиной ещё пару секунд ощущалось его раздражение, но Рэй уже двинулся в ту сторону, и Вики знала: если клиенту не хватит ума заткнуться, вылетит на улицу быстрее, чем успеет пожаловаться.

— Ты когда-нибудь научишься быть помягче? — бросила ей Мара, вторая официантка, ставя на стойку пустой поднос.

— В тот же день, когда мужчины перестанут думать руками.

Мара фыркнула.

— Тогда нам всем проще сразу умереть.

— Не драматизируй. Некоторые из них иногда пользуются мозгом. По праздникам.

К десяти Вики поймала себя на том, что впервые за день почти не думает о доме.

Это было облегчением.

Почти.

Потому что тревога никуда не делась — просто переместилась под кожу, стала тише, тоньше. Как заноза, которую не видно, но о которой тело всё равно помнит.

Она как раз ставила на поднос два бокала пива, когда по бару прокатилась короткая, странная волна тишины.

Не полная.

Но ощутимая.

Так бывает, когда в помещение входит кто-то, кого замечают не глазами, а нервной системой.

Вики подняла голову.

У двери стоял Калёб.

Чёрное пальто, тёмная рубашка, серые глаза, всё то же безупречное спокойствие. Он не оглядывался с любопытством, не искал, куда сесть. Просто стоял, и этого уже было достаточно, чтобы часть женщин у стойки начала смотреть на него чуть внимательнее, а двое мужчин — наоборот, настороженно отвести взгляд.

Вампиры умели делать это с пространством.

Будто слегка смещали центр тяжести любой комнаты.

Вики почувствовала, как внутри что-то резко сжалось.

Не страх.

Гнев.

— О нет, — пробормотала она.

Мара проследила за её взглядом.

— Это он?

— К сожалению, да.

— Красивый.

— Цианид тоже симпатично выглядит, если красиво упаковать.

Калёб уже заметил её.

И, разумеется, направился прямо к стойке.

Вики поставила поднос, отдала его Маре и выпрямилась.

Если он пришёл играть, зря выбрал вечер.

Она была слишком уставшей для вежливой ненависти.

— Какой сюрприз, — сказала Вики, когда он остановился напротив. — Я уж надеялась, у тебя есть другие хобби, кроме вторжения в мою жизнь.

— Добрый вечер, Вики.

— Сомневаюсь.

Кaleb посмотрел на неё так, будто спорить с её тоном его даже забавляло.

— Я пришёл выпить.

— Искусственную кровь здесь не подают.

— Меня устроит бурбон.

— Трагедия века.

Она взяла бутылку, стакан и налила ровно на два пальца.

Кaleb не отводил взгляда.

— Ты сердишься на меня из-за утра?

— Нет. Я сержусь на тебя из-за факта твоего существования поблизости.

— Жестоко.

— Переживёшь. Формально ты уже один раз умер.

Уголок его губ дрогнул.

— Ты всегда так встречаешь ухажёров сестры?

— Только тех, от кого несёт проблемами за километр.

— А если я скажу, что Нина мне нравится?

Вики поставила перед ним стакан.

— Я скажу, что у хищников и симпатии часто заканчиваются одинаково: чьей-то кровью.

Кaleb взял бурбон, но не спешил пить.

— Ты очень заботишься о сестре.

— Кто-то же должен.

— Даже если она этого не хочет?

— Особенно тогда.

Несколько секунд он молчал.

Потом сказал:

— Должно быть, тяжело — всё время нести ответственность за тех, кто не просил тебя их спасти.

Вики подняла на него глаза.

Вот теперь удар был точный.

Не в лоб.

Глубже.

Он не мог знать, сколько раз она слышала почти то же самое — в разных формах, разными голосами. От Нины. От себя. Иногда даже от бабушки, слишком уставшей спорить с их постоянной войной.

— Ты пришёл сюда, чтобы устроить мне сеанс психоанализа? — холодно спросила она.

— Я пришёл понять тебя.

— Сочувствую. Задача безнадежная.

Он наклонил голову.

— Ты действительно не чувствуете, как на тебя смотрят другие?

Вики прищурилась.

— Что, прости?

— Как они оценивают. Сравнивают. Выбирают. Отворачиваются. Это ведь должно было сделать тебя очень удобной добычей.

Она застыла.

Воздух вокруг словно стал плотнее.

Шум бара не исчез, но отодвинулся — как будто за стену.

Вики медленно положила ладонь на стойку.

— Осторожнее, — сказала она тихо.

— Почему? Потому что я прав?

— Потому что ещё одно слово в таком тоне, и я разобью этот стакан о твою челюсть.

Серые глаза Калеба блеснули.

— А если я скажу, что именно это в тебе и интересно?

— Моё желание тебя покалечить?

— То, что тебя не сломало то, что ломает многих.

На секунду Вики растерялась.

Не от комплимента.

От того, как это прозвучало.

Не как заигрывание.

Как наблюдение учёного над редким видом.

Её передёрнуло.

— Ты говоришь так, будто выбираешь мясо на рынке.

— А ты говоришь так, будто никто никогда не смотрел на тебя внимательно.

— Может, потому что нормальные люди всё же умеют не пялиться, как голодные психопаты.

Калёб впервые поднёс стакан к губам и сделал маленький глоток.

— Я не нормальный человек, Вики.

— Слава богу, хоть в этом ты честен.

Он поставил стакан на стойку.

— Нина говорила, что ты работаешь почти без сна.

— Нина слишком много говорит.

— Ты заботишься о ней. Оплачивала ей учёбу. Работала, пока ваша бабушка умирала.

Осталась в доме, который напоминает о потере каждый день. И всё равно делаешь вид, что ничего не чувствуешь.

На этот раз Вики не просто разозлилась.

Она взбесилась.

Потому что он залезал туда, куда никто не имел права лезть.

Потому что делал это спокойным голосом, будто имел на это основания.

Потому что часть сказанного была правдой.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — произнесла она.

— Я знаю достаточно, чтобы понять: ты гораздо опаснее, чем хочешь казаться.

Вики коротко рассмеялась.

— Нет, милый. Опасный здесь только ты. Я просто злопамятная женщина с тяжёлым графиком.

— Ты уверена?

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент весь бар будто вздрогнул от удара грома. Свет мигнул. Музыка на секунду прервалась, потом снова заиграла.

И вместе с этим Вики почувствовала.

То самое.

Слабое давление, знакомое со вчерашнего утра.

Как лёгкий холодный палец у основания черепа.

Как шёпот, который не звучит словами.

Смотри на меня. Расслабься. Не сопротивляйся.

Она резко втянула воздух.

Нет.

На этот раз она узнала это сразу.

И не позволила даже на полсекунды задержаться внутри.

Вместо страха вспыхнула такая ярость, что у неё потемнело в глазах.

Бокал у края стойки задрожал.

Потом ещё один.

Калёб это заметил.

Очень быстро.

Его взгляд метнулся к стеклу, потом обратно к её лицу.

— Интересно, — почти шёпотом сказал он.

Вики сама не поняла, как схватила его за ворот рубашки и дёрнула к себе через стойку. Жёстко.

Резко.

Так, что бурбон в стакане плеснул через край.

Окружающие ахнули. Кто-то засмеялся, не поняв, всерьёз это или нет.

Но Вики уже не слышала никого.

Только его дыхание.

Только собственный пульс.

Только ненависть, густую и горячую, как яд.

— Слушай меня внимательно, — прошипела она ему в лицо. — Ещё раз попытаешься сделать это со мной — и я найду способ воткнуть в тебя что-нибудь деревянное. Пусть даже табуретку.

Калёб не дёрнулся.

Даже не попытался освободиться.

Лишь смотрел на неё с выражением, в котором смешались удивление, интерес и что-то очень нехорошее.

— Ты правда не поддаешься, — тихо сказал он.

— Разочарован?

— Наоборот.

Вики с отвращением отпустила его.

— Убирайся.

— Я не закончил.

— А я закончила.

Он посмотрел на неё ещё секунду.

Потом медленно достал купюру и положил на стойку.

— Передай сестре, что я заеду за ней завтра.

— Лучше передай ей это сам. И заодно объясни, почему лезешь в голову её родне без приглашения.

Калёб встал.

— Ты не понимаешь, во что вовлечена.

— Так просвети.

— Не здесь.

— Тогда нигде.

Он чуть склонил голову, и в этом жесте было больше угрозы, чем во многих открытых нападениях.

— Ты думаешь, я опасность, Вики. Но я, возможно, одна из последних проблем, о которых тебе стоит беспокоиться.

— Прекрасно. Обожаю, когда мне угрожают загадками.

— Это не угроза.

— Тогда у тебя ужасная подача материала.

Калёб уже собирался уйти, когда вдруг замер.

Его взгляд остановился где-то чуть ниже её плеча, потом скользнул к карману фартука.

Туда, где лежал завернутый в салфетку старый травяной пучок.

Вики почувствовала это мгновенно.

И тоже замерла.

Кaleb очень медленно перевёл глаза обратно на её лицо.

— Где ты это нашла?

Тон изменился.

В нём больше не было игры.

Только сосредоточенная, настороженная серьёзность.

Вики похолодела.

— Тебя это не касается.

— Вики.

— Не смей называть меня так, будто мы знакомы достаточно долго для доверительного тона.

Он подался вперёд едва заметно.

— Если у тебя есть то, о чём я думаю, ты должна быть очень осторожна.

— А если я скажу, что после слов «вы должны быть осторожны» мне обычно хочется сделать наоборот?

Кaleb сжал челюсть.

Похоже, впервые за весь разговор теряя эту идеальную выдержку.

— Послушай. Ваш дом... ваша семья... это не случайность.

Вики почувствовала, как под кожей снова зашевелилось неприятное предчувствие.

— Ты сейчас либо говоришь нормально, либо уходишь.

Он молчал слишком долго.

Потом будто принял решение не здесь и не сейчас.

Отступил на шаг.

— Скоро ты всё равно узнаешь.

— Ненавижу таких, как ты.

— Я знаю.

Он развернулся и пошёл к выходу.

Бар снова ожил за его спиной, словно кто-то снял с комнаты невидимую удавку. Голоса вернулись, музыка снова стала просто музыкой, воздух перестал казаться густым.

Но внутри Вики всё ещё звенело.

Она смотрела ему вслед, пока дверь не закрылась.

— Это было горячо, — заметила Мара, подойдя сбоку с подносом. — Я, конечно, не одобряю насилие на рабочем месте, но если ты ещё раз схватишь мужчину за грудки, предупреди. Я возьму попкорн.

Вики медленно выдохнула.

— Поверь, ничего горячего там не было. Только желание убивать.

— Угу. Обычно именно так всё и начинается.

— Мара.

— Что?

— Отстань.

Мара ухмыльнулась и ушла к столику у окна.

Рэй подошёл почти сразу.

— Что он хотел?

Вики потёрла висок.

— Меня выбесить. И, кажется, намекнуть, что моя семья каким-то образом влезла во что-то древнее, мерзкое и потенциально смертельное.

Рэй пару секунд молчал.

— Очень обнадеживающе.

— Да. Я тоже люблю, когда жизнь становится похожей на дешёвый триллер.

Он посмотрел на дверь, за которой исчез Кaleb.

— Хочешь, я отвезу тебя домой после смены?

Вики уже собиралась отмахнуться по привычке, но остановилась.

Перед глазами всплыли: дом, старая кухня, пучок трав, стеклянный взгляд Нины, голос бабушки из памяти, и серые глаза вампира, который сказал: это не случайность.

— Да, — тихо сказала она. — Вообще-то хочу.

Рэй кивнул.

— Тогда сегодня без геройства.

— Поздно, — пробормотала Вики. — Кажется, оно уже началось.

Остаток смены прошёл в рваном тумане.

Она продолжала работать — принимала заказы, носила подносы, наливала пиво, считала сдачу, — но мысли всё время возвращались к одному и тому же.

Где вы это нашли?

Не «что это». Не «похоже на старую безделушку». А именно — где.

Значит, Калёб знал.

Значит, бабушка тоже знала.

Значит, всё это началось не вчера.

Ближе к полуночи дождь всё-таки пошёл. Крупный, тяжёлый, дробящийся о стекло и вывеску. Посетителей стало меньше. Кто-то расплачивался, кто-то вяло спорил о бейсболе, кто-то уже обнимал унитаз в туалете с такой самоотдачей, будто это была любовь всей его жизни.

Вики вытирала стойку, когда почувствовала внезапный озноб.

Не физический.

Тот самый внутренний, без причины.

Она подняла голову и посмотрела в окно.

На другой стороне улицы, под неоновой вывеской закрытого ломбарда, кто-то стоял.

Высокий мужской силуэт.

Неподвижный.

Дождь шёл стеной, скрывая лицо, но почему-то Вики сразу поняла — это не Калёб.

Слишком массивная фигура.

Слишком тяжёлое ощущение угрозы даже на расстоянии.

Человек — или не человек — стоял под дождём и смотрел прямо на бар.

Прямо на неё.

У Вики пересохло во рту.

Она моргнула.

Фары проезжающей машины резанули по мокрому асфальту.

Когда свет ушёл, силуэта уже не было.

— Чёрт, — выдохнула она едва слышно.

— Что? — отозвался Рэй из конца зала.

Вики не сразу ответила.

Смотрела на пустое место за стеклом, чувствуя, как внутри медленно сжимается что-то холодное.

— Ничего, — сказала она наконец. — Пока ничего.

Но это было ложью.

Потому что теперь она знала точно:

Калёб был не началом.

Он был только дверью.

Глава 4 Вкус ночи.

Дом встретил меня тишиной на первом этаже и тонкой полоской света из кухни. Ну конечно. Я закрыла за собой дверь чуть громче, чем нужно, скинула обувь и повесила куртку. Внутри пахло кофе, дорогим мужским парфюмом и чем-то сладким — наверное, Нина опять зажгла одну из своих свечей, от которых у меня через полчаса начинала болеть голова. Я прошла по коридору и уже заранее приготовилась к худшему. Кaleb стоял у кухонного окна, одной рукой опираясь на подоконник. На нём была тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами. В мягком свете лампы его лицо казалось ещё резче: скулы, тень щетины, слишком спокойный взгляд человека, которому не нужно никому ничего доказывать. Нина сидела прямо на столешнице, скрестив длинные ноги, и выглядела так, будто случайно попала в рекламу дорогой жизни. Светлые волосы рассыпались по плечам, губы блестели, глаза сияли. Она смеялась над чем-то, что он только что сказал, и в этот момент они оба повернулись ко мне. Кaleb — спокойно. Нина — с той самой усмешкой, от которой меня всегда тянуло проверить, не оглохла ли я от собственной злости. — О, явилась, — сказала она. — А мы уже думали, ты решила ночевать в баре. — Привет и тебе, солнце, — ответила я, проходя к холодильнику. — Надеюсь, вы хотя бы не доели всё, что не приколочено. — Я бы не рискнул, — сказал Кaleb. Его голос был низким, мягким, слишком приятным для моего внутреннего спокойствия. Я достала бутылку воды и закрыла холодильник локтем. — Какая самооценка. Уже начинаю волноваться, не слишком ли ты хорошо меня изучил. На губах Калеба мелькнула тень улыбки. — Ты всегда такая гостеприимная? — Только по вторникам, четвергам и когда ко мне без спроса приходят вампиры. Нина закатила глаза. — Господи, Вики, хватит вести себя так, будто он собирается нас сожрать. Я отпила воды и посмотрела на неё поверх горлышка бутылки. — Напомни, пожалуйста, чем именно питаются вампиры? Цветочной пылью? — Очень смешно, — отрезала она. Кaleb не сводил с меня взгляда. Это не было откровенно пошло. Не было даже грубо. Но мне всё равно не нравилось, как внимательно он смотрел. Слишком собранно. Слишком будто отмечая детали, которые обычный мужчина не стал бы запоминать: движение пальцев, тон голоса, выражение лица в момент раздражения. От этого хотелось то ли огрызнуться, то ли выйти из кухни. — Я вообще-то пришёл с новостью, — сказал он. — Если новость о том, что вам всем пора домой, я уже в восторге. — Новый бар открывается завтра, — перебила Нина, сияя так, будто ей только что предложили корону. — Закрытый. Вампирский. Кaleb нас приглашает. Я медленно опустила бутылку на стол. — Нет. — Ты даже не подумала, — возмутилась Нина. — Подумала. Очень быстро. Ответ всё равно нет. — Почему ты вечно всё портишь? — Потрясающая формулировка. Ты предлагаешь мне добровольно пойти в место, где будет полно вампиров, а я, оказывается, порчу. Какая неожиданность. Кaleb чуть оттолкнулся от окна. — Это безопасное место. — Все самые плохие идеи в истории человечества начинались примерно с этой фразы. — Вики... — Нет, серьёзно, Нина. Что дальше? Тур по древнему кладбищу? Ночь в особняке с призраками? Семейный абонемент на групповое самоубийство? Нина спрыгнула со столешницы. — Ты просто боишься. Я посмотрела на неё. Вот оно. Любимая игра сестры: назвать страхом всё, что не совпадает с её желаниями. — Представь себе, — сказала я спокойно. — У некоторых людей инстинкт самосохранения не считается дефектом характера. — У некоторых людей, — сладко ответила она, — любой повод хорош, лишь бы не выходить туда, где на них кто-то посмотрит. Между нами повисла тишина. Кaleb слегка напрягся. Наверное, почувствовал, что сейчас будет взрыв. Нина тоже это поняла — но уже поздно. Её удары всегда были точными. Она никогда не била наугад. Всегда туда, где уже была трещина. Я сжала пальцы на горлышке бутылки. — Продолжай, — сказала я. — Раз уж начала, не стесняйся. — Да ладно, Вики, — она вскинула плечо. — Ты сама всё прекрасно знаешь. Вечно прячешься за своим юмором и злостью, будто если будешь огрызаться первой, никто не заметит, как тебе неком-

фортно рядом с нормальными людьми.— Нормальными? Это теми, кто измеряет собственную ценность количеством мужских взглядов за вечер?— Хотя бы кто-то вообще смотрит. Вот теперь удар пришёлся точно. Как в детстве. Как в школе. Как потом ещё сотни раз, только в других формулировках. Я медленно вдохнула. Потом выдохнула. Потом посмотрела на неё и улыбнулась. Не потому, что было смешно. Потому что если я не улыбнусь — скажу что-то, после чего мы уже не вернёмся даже к нашей привычной плохой версии отношений.— Какая прелесть, — сказала я тихо. — Знаешь, Нина, иногда мне кажется, что если вынуть из тебя чужое внимание, внутри останется только эхо. Её лицо изменилось мгновенно.— Да пошла ты.— Уже была. В бар, на работу, по жизни. Очень увлекательный маршрут.— Хватит, — резко сказал Калеб. Голос у него стал жёстче. Без повышения тона, но так, что даже Нина осеклась. Я перевела взгляд на него.— Что? Решил поиграть в миротворца? Он смотрел на меня несколько секунд, потом сказал спокойнее:— Я не хочу ссор между вами.— Тогда, возможно, не стоит тащить в наш дом ещё больше поводов для них. Нина схватила бокал со стола и залпом допила остатки вина.— Ты невыносима, — бросила она мне. — И именно поэтому у тебя никого нет. Тишина после этих слов стала плотной, как мокрое одеяло. Мне казалось, я уже привыкла. К её колкостям. К её способности влезть под кожу. К этой старой боли, которая каждый раз делает вид, что уже умерла, а потом внезапно открывает глаза. Но нет. Не привыкла. Никогда не привыкну. Калеб медленно повернул голову к Нине.— Не надо, — сказал он негромко. Она только фыркнула и вышла из кухни, цокая босыми пятками по коридору так, будто даже пол был перед ней виноват. Мы остались вдвоём. Вот чего я точно не хотела. Я потянулась за бутылкой, сделала ещё один глоток и уставилась в столешницу, чтобы не видеть его лица.— Она не должна была этого говорить, — произнёс Калеб.— Правда? Спасибо, что пояснил. А то я уж решила, что это была семейная терапия. Он не ответил сразу. Я чувствовала его взгляд почти физически.— Ты всегда защищаешься шутками? — спросил он наконец. Я вскинула голову.— А ты всегда задаёшь вопросы так, будто имеешь на это право? Калеб не моргнул.— Нет. Только когда мне действительно интересно. Вот тут меня снова пробрало раздражение. То самое вязкое, колкое, от которого хочется отгородиться стеной.— Тогда привыкай к разочарованиям, — сказала я.— Я не очень удобный объект для изучения.— Я заметил. Я развернулась и молча ушла, не сказав ни слова. Чувствовала на себе взгляд Калеба — сначала он скользил по спине, затем опустился ниже. Хотелось скрыться в своей комнате как можно скорее. Я отказалась ехать, но в глубине души понимала, что это неизбежно. Не из-за Калеба и не потому, что мне хотелось отдохнуть. Причина была в моей младшей сестре, у которой напрочь отсутствовало чувство самосохранения. Я должна была убедиться, что с ней всё будет в порядке. Интуиция кричала мне не ехать, предупреждала об опасности. Но я знала, что не могу оставить сестру одну. Её беспечность могла привести к беде, и я не могла допустить этого. На следующий вечер Нина была слишком красивой, чтобы это не раздражало. Вики сидела на краю кровати, натягивая чёрные джинсы, и смотрела, как сестра крутится перед зеркалом в их общей ванной, примеряя одно платье за другим с тем сосредоточенным видом, с каким некоторые люди выбирают оружие перед боем. Только Нина не собиралась воевать. Нина собиралась блистать. Светлые волосы мягкими волнами спадали ей на спину. Короткое тёмно-синее платье облегло фигуру так, будто было сшито специально для того, чтобы у мужчин отключались остатки разума. Длинные ноги, тонкая талия, идеальная кожа, та самая лёгкая, почти беззаботная сексуальность, которая Нине давалась без усилий, как другим дыхание. Вики, застёгивая пуговицу на джинсах, почувствовала знакомое старое раздражение. Не на сестру даже. На себя. На то, что это чувство вообще ещё жило внутри. После стольких лет. После школы, после бесконечных сравнений, после взглядов, которые всегда сначала находили Нину, а уже потом — если вообще вспоминали — её. Она встала, натянула свободную тёмную рубашку и посмотрела на своё отражение в зеркале комнаты. Невысокая. Пышная. Тёмные волосы в хвосте. Лицо без яркого макияжа, только тушь и помада цвета высохшей вишни. Ничего особенного. Ничего, что заставляло

бы мир замирать. И всё же сегодня, глядя на себя, она подумала не это. Сегодня она увидела женщину, которая была слишком уставшей, слишком злой и слишком настороженной, чтобы пытаться понравиться кому бы то ни было. Это уже было что-то. — Ты правда так пойдёшь? — раздался голос Нины от двери. Вики даже не повернулась. — Нет, конечно. По дороге планирую нарядиться в павлина. — Я серьёзно. — А я нет. И это, как ни странно, всё ещё лучше работает. Нина прислонилась к косяку, скрестив руки на груди. — Это вампирский бар, Вики. Там не ходят в виде «я только что убила кого-то на парковке и теперь мне лень объяснять». Вики фыркнула. — Отлично. Значит, я буду тематичной. Нина закатила глаза, но потом её выражение на секунду изменилось. Внимательный взгляд скользнул по лицу сестры, по шее, по фигуре, и в нём мелькнуло что-то старое, неприятное — привычка сравнивать, измерять, оценивать. — Ты могла бы хотя бы распустить волосы, — сказала она. — Иногда мне кажется, ты специально делаешь всё, чтобы... — Чтобы что? Нина пожала плечами. — Чтобы никто на тебя не смотрел. Слова прозвучали легко. Почти между делом. Но попали точно. Вики медленно повернулась. — А иногда мне кажется, — тихо сказала она, — что тебе физически больно, если кто-то смотрит не только на тебя. Нина выпрямилась. — Боже, опять началось. — Нет. Это у тебя никогда не заканчивается. — Я просто сказала, что ты могла бы выглядеть... — Более трагично? Удобно? Достоин одобрения твоей экспертной комиссии? — Более женственно. Вики коротко усмехнулась. — А, ну конечно. Потому что всё, что не играет по правилам мужского аппетита, автоматически перестаёт быть женственным. Нина уже открыла рот для ответа, но внизу посигналили. Обе замерли. Потом Нина первой отвернулась к зеркалу, быстро поправила волосы и взяла сумочку. — Это Кaleb. — Какая радость. А я уж испугалась, что мир решил дать мне передышку. Нина прошла мимо неё к лестнице. — Постарайся сегодня не вести себя как психопатка. Вики взяла куртку. — Постарайся сегодня не ехать в логово хищников так, будто идёшь на конкурс красоты. Они спустились вниз в тишине. У дома стояла та же чёрная машина, в которой Нина приехала позапрошлой ночью. Дорогая, гладкая, слишком тёмная для их улицы. Кaleb ждал снаружи, опираясь плечом о дверцу. В длинном чёрном пальто, с убранными назад волосами, он выглядел так, будто ночь сама решила обрести человеческое лицо и чуть-чуть над ним поработать. Его взгляд сразу нашёл Вики. Не Нину, которая, конечно, надеялась на обратное. Вики это заметила. И Нина тоже. — Ты всё-таки поехала, — сказал Кaleb. — Не из-за тебя, — отрезала Вики. — И не потому, что меня внезапно потянуло в вампирские бордели с дресс-кодом. Нина раздражённо выдохнула. — Это не бордель. — Конечно. Это культурный центр с кровью. Кaleb открыл заднюю дверь. — Боюсь, ваш талант портить атмосферу даже немного впечатляет. — Спасибо. Это тоже защитный механизм. Нина села вперёд, явно не собираясь уступать Вики место рядом с ним. Вики это только порадовало. Она устроилась сзади, захлопнула дверь и сразу уставилась в окно. Машина тронулась мягко, почти бесшумно. Первые несколько минут никто не говорил. За стеклом проплывали знакомые улицы, потом редкие магазины, затем дорога стала темнее, шире, пустынее. Городок остался позади, уступая место заправкам, лесополосе, редким домам, мотелям с мигающими вывесками и длинным участкам шоссе, где ночь казалась гуще, чем в пределах города. Нина нарушила молчание первой. — Там будет много людей? — И людей, и вампиров, — спокойно ответил Кaleb. — Это безопасно? Вики хмыкнула. — Гениальный вопрос. Лучше поздно, чем никогда. Нина бросила на неё злой взгляд через зеркало. — Я не с тобой разговариваю. — А жаль. У меня на опасность нюх лучше. Кaleb не сводил глаз с дороги. — Пока вы со мной, никто вас не тронет. — Какое утешение, — сказала Вики. — Особенно если учесть, что ты самходишь в спиксок тех, кто мне не нравится. Он чуть повернул голову. — Я бы не стал тебе вредить. — Ты уже пытался залезть мне в голову. — Я пытался понять, кто ты. — У психопатов это, видимо, форма флирта. Нина нервно рассмеялась. — Вы можете хотя бы полчаса не кусать друг друга? — Пусть сначала перестанет вести себя так, будто изучает меня для вскрытия, — отрезала Вики. Кaleb промолчал. Но через минуту сказал: — Ты нашла что-то ещё? Вики напряглась. — Нет. —

Ты врёшь.— А ты слишком самоуверен для человека, который технически уже умер.Нина нахмурилась.— О чём вы вообще?— Ни о чём, — быстро сказала Вики.— Кaleb?Он лишь скользнул взглядом по зеркалу.— Не сейчас.Нина мгновенно затихла.Это снова было слишком быстро.Слишком послушно.Вики почувствовала, как по позвоночнику пополз холод.Она отвернулась к окну, стиснув челюсть.Небо к тому времени окончательно почернело. Только узкая полоска лунного света ложилась на дорогу. Фары выхватывали из темноты дорожные знаки, мокрые деревья, редкие съезды. Машина свернула с основной трассы на более узкую дорогу, ведущую куда-то между старым складским районом и заброшенной железнодорожной веткой.— Очень обнадеживающе, — сказала Вики. — Если нас убьют, хотя бы искать будут недолго. Никто даже не удивится.— Ты можешь хоть иногда молчать? — процедила Нина.— Могу. Но сегодня не хочу.Впереди наконец показалось здание.Снаружи оно выглядело почти неприметно — старый кирпичный склад, который кто-то переделал под элитный закрытый клуб. Но чем ближе они подъезжали, тем яснее становилось: неприметность была частью маски.У входа стояли дорогие машины.По бокам — двое охранников, слишком крупных и слишком неподвижных, чтобы быть просто вышибалами.Над дверью тлела узкая чёрная вывеска с серебряными буквами:«Вкус ночи»— Боже, — пробормотала Вики. — Даже название звучит как венерическое заболевание.Нина издала мученический стон.— Ну почему ты такая?— Потому что кто-то в семье должен иметь инстинкт самосохранения.Кaleb заглушил двигатель.Повернулся к ним.— Внутри держитесь рядом. Не уходите одни. И, Вики... Она холодно посмотрела на него.— Что?— Если кто-то будет смотреть слишком долго, не встречайтесь взглядом.Вики усмехнулась.— То есть не делать то, чем вы обычно всех и берёте? Поздний совет.— Я серьёзно.— А я всё ещё не доверяю тебе настолько, чтобы принимать инструкции без мата.Но, выходя из машины, она всё же запомнила его слова.У входа их остановил один из охранников — высокий, почти нечеловечески бледный мужчина в идеально сидящем костюме.Он посмотрел сначала на Калеба, потом на Нину, потом на Вики.И вот на ней взгляд задержался дольше положенного.Нина, конечно, это тоже заметила.— Со мной, — коротко сказал Кaleb.Их пропустили.Как только двери закрылись за спиной, Вики почувствовала, что попала в другой мир.Внутри клуб был утоплен в полумраке, тёмно-красном свете и густой, почти осязаемой музыке. Бархат, стекло, чёрное дерево, низкие диваны, блеск металла и кожи. Воздух пах дорогим алкоголем, духами, дымом, телом, кровью — слабой, почти незаметной, но всё же присутствующей, как подкладка у роскоши.Людей здесь было много.И вампиров тоже.Некоторых можно было распознать сразу — по неподвижности, по нечеловеческой плавности движений, по тому, как к ним тянулись взгляды. Других — нет. И это было хуже.За одним из столиков сидела женщина, откинув голову на спинку дивана, а мужчина рядом с ней касался губами её шеи с такой интимной медлительностью, что Вики сразу отвела глаза.Нина, наоборот, смотрела заворожённо.— Господи... — Да, — сухо сказала Вики. — Именно так обычно и выглядит плохая идея в дорогой упаковке.Кaleb положил ладонь Нине на поясницу, направляя её глубже в зал.Вики шла рядом, напряжённая до хруста в плечах.Люди здесь улыбались слишком расслабленно.Смеялись слишком мягко.Прикасались друг к другу слишком откровенно.Всё место было построено на соблазне, но соблазн этот пах не свободой — ловушкой.Они уже почти дошли до центральной зоны, когда Вики заметила, что какой-то мужчина резко шагнул из бокового коридора, не глядя по сторонам.Одновременно она сама, раздражённая, отвлеклась на Нину, которая опять повисла на локте Калеба с видом победительницы.И через секунду врезалась в чью-то грудь.Не просто врезалась.Впечаталась так, будто наткнулась на каменную стену, замаскированную под человека.— Чёрт, — выдохнула Вики, отступая на шаг.Рука автоматически легла на его пиджак, чтобы удержать равновесие.И тут же отдёргнулась.Мужчина, в которого она врезалась, даже не пошатнулся.Высокий.Очень высокий.Широкоплечий.Светлые волосы, убранные назад, резкие скулы, идеально прямой нос, холодные губы и глаза такого синего, почти ледяного оттенка, что от одного взгляда в них хотелось сде-

лать шаг назад. Нет. Не хотелось. Тело просто само это понимало. По коже Вики мгновенно побежали мурашки. Не восторг. Опасность. Он смотрел на неё сверху вниз так, будто решал, стоит ли терпеть само её существование ещё хотя бы минуту. — Смотреть по сторонам не пробовали? — сказал он. Голос был низким, ровным и настолько холодным, что им можно было резать стекло. Вики всё ещё чувствовала под ладонью призрак столкновения — твёрдость его груди, неподвижность, отсутствие обычной человеческой реакции. И почему-то это разозлило её сильнее, чем следовало. — А вы? — тут же огрызнулась она. — Или у вас здесь мода выходить людям под ноги с лицом оскорблённого принца? Слева Нина тихо ахнула. Кaleb резко напрягся. Но Вики уже не смотрела ни на кого, кроме мужчины перед собой. Его взгляд чуть сузился. — Смело. — Нет. Просто вы стоите как надгробие посреди прохода. На долю секунды в его лице что-то изменилось. Не смягчилось. Скорее... обострилось. Будто он ожидал чего угодно — извинений, страха, неловкости, флирта — но не этого. — Вы всегда так разговариваете с незнакомцами? — спросил он. — Только с теми, кто начинает первым. Он медленно осмотрел её. Слишком внимательно. Именно не как мужчина, которому понравилась женщина. Как хищник, учуявший что-то невозможное. Вики почувствовала это почти физически. Будто его взгляд скользнул по её коже, коснулся лица, горла, рук — и остановился не на теле, а где-то глубже. Внутри что-то неприятно сжалось. Кaleb шагнул вперёд. — Алекс. Имя прозвучало не как приветствие. Как предупреждение. Мужчина перевёл взгляд на него. Лёд в этих синих глазах стал ещё заметнее. — Кaleb, — произнёс он спокойно. — Не знал, что ты приводишь сюда смертных с улицы. Нина тут же расправила плечи и чуть улыбнулась. Конечно. Это было именно то внимание, которое она любила. Даже если внимание исходило от существа, которое, вероятно, могло вырвать ей сердце голыми руками. — Мы приглашены, — сказала она мягко. — И, если честно, здесь потрясающе. Алекс даже не взглянул на неё. Ни на секунду. Продолжал смотреть только на Вики. И это Нина тоже заметила. — Неужели? — сухо сказал он. Вики скрестила руки на груди. — Что, смертные испортили вам вечер своим фактом существования? — Некоторые смертные, — ответил Алекс, — не понимают, где им следует быть потише. Вики коротко усмехнулась. — А некоторые бессмертные, кажется, за тысячу лет не научились элементарной вежливости. Тишина вокруг них словно сгустилась. Кто-то за соседним столиком обернулся. Кaleb выругался бы, будь он человеком. Нина побледнела, но старалась держать лицо. Алекс смотрел на Вики всё так же неподвижно. Потом чуть наклонил голову. Будто прислушивался. К чему-то, что слышал только он. — Интересно, — сказал он почти неслышно. Вики ощутила, как по спине прошёл холодок. Это было второе «интересно» за двое суток. И ей уже хотелось убивать за это слово. — Рада, что развлекаю, — сказала она. Он сделал шаг ближе. Совсем небольшой. Но весь мир Вики почему-то сразу сузился до расстояния между ними. От него пахло чем-то тёмным, дорогим и холодным, как зимняя ночь над водой. Ни капли сладости, ни намёка на привычное человеческое тепло. Только сила. Контроль. И опасность, от которой в теле будто натянулась каждая мышца. Алекс смотрел ей прямо в глаза. Долго. Слишком долго. Вики ждала знакомого ощущения — давления, вторжения, этого мерзкого холодного скольжения в сознании, которое она уже почувствовала от Калеба. Но ничего не произошло. Вообще ничего. Она просто смотрела в ответ. Несколько секунд. Может, дольше. И вдруг увидела то, чего не ожидала увидеть на его лице: удивление. Едва заметное. Почти призрачное. Но настоящее. Он выпрямился. Синие глаза стали ещё холоднее. Будто его что-то задело. Будто она сломала невидимое правило, о котором сама не знала. — Что-то не так? — спросила Вики. Алекс молчал. Нина быстро сделала шаг вперёд, словно желая перетянуть сцену на себя. — Алекс, да? — её голос стал ниже, мягче. — Я Нина. Теперь он всё-таки перевёл на неё взгляд. Лёгкий. Мимолётный. Почти формальный. Этого хватило, чтобы Нина заулыбалась ещё ярче. Но Вики уже поняла: смотрел он не на ту. И это было странно. Неправильно. Плохо. — Рад за вас, — сказал Алекс так ровно, что Нина моргнула, не сразу поняв, что это не ответ, а почти оскорбление. Уголок рта Вики дёрнулся. Она не успела скрыть это. Алекс заметил. Конечно, заметил. — Что смешного? — спросил

он. — Ничего, — сказала Вики. — Просто редко вижу, как кто-то одним тоном умудряется сказать «мне всё равно» и «отойдите все» одновременно. На этот раз рядом кто-то действительно тихо хмыкнул. Алекс медленно перевёл взгляд обратно на неё. — Вам стоит быть осторожнее со словами. — А вам — с привычкой думать, что все вокруг обязаны дрожать. Кaleb вмешался прежде, чем напряжение стало совсем неприличным. — Мы не хотели мешать, — сказал он. — Девушки здесь впервые. — Заметно, — ответил Алекс. — И что это должно значить? — сразу спросила Вики. Синие глаза чуть сузились. — Что у новичков обычно хватает инстинкта хотя бы оглянуться, прежде чем нападать на тех, кто сильнее. Вики склонила голову набок. — А у тех, кто сильнее, обычно хватает характера не напоминать об этом каждые тридцать секунд. Нина выдохнула: — Вики... Но уже было поздно. Потому что впервые за весь разговор на губах Алекса появилось что-то похожее на улыбку. Очень слабое. Очень нехорошее. И от неё по коже Вики побежало ещё больше мурашек, чем от ледяного взгляда. — Ты его знаешь? — тихо спросила она у Калеба, не отводя глаз от Алекса. — Достаточно, — так же тихо ответил он. — И ты не сказал, что здесь водятся особенно высокомерные экземпляры. — Не думал, что ты успеешь найти его так быстро, — отрезал Кaleb. — Он сам нашёлся. Как венерическая сыпь с властью. Нина закрыла глаза. Кaleb на секунду сжал переносицу. Алекс же вдруг посмотрел на Вики так, будто не мог решить, оскорблён ли он или amused. Потом слегка отступил. — Развлекайтесь, — сказал он. Тон был вежливым. Почти. Но под ним лежало что-то другое. Нечто похожее на обещание. Или угрозу. И прежде чем пройти мимо, он наклонился чуть ближе к Вики — настолько, чтобы его голос слышала только она. — Мы ещё поговорим. У неё внутри что-то резко сжалось. Вики повернула к нему голову. — Я переживу и это. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, потом снова вернулся к глазам. — Не уверен. Он ушёл. Просто растворился в толпе так, будто толпа сама разошлась перед ним из уважения или страха. Вики ещё секунду смотрела ему вслед. Потом выдохнула. Только теперь заметив, что всё это время держала плечи слишком напряжённо. — Кто это, чёрт возьми, был? — спросила она. Нина первой ответила: — Господи, ты видела его? Вики медленно повернулась к сестре. — Да. К сожалению, у меня пока не отказало зрение. — Он... — Нина даже не закончила, просто приложила пальцы к губам и мечтательно выдохнула. — Это вообще законно быть таким? — Если да, закон стоит пересмотреть. Кaleb смотрел туда, где исчез Алекс. Лицо у него стало замкнутым. — Его зовут Алекс. — Это я уже поняла, — сказала Вики. — Дальше? Кaleb помедлил. — Древний вампир. Один из тех, кто контролирует значительную часть территории здесь. — То есть местный король кровососов? — Что-то вроде того. Вики коротко рассмеялась без веселья. — Потрясающе. Я врезалась в самого опасного сноба в здании. — И наговорила ему такого, за что любой другой уже лежал бы на полу, — сухо заметил Кaleb. — Что, у него аллергия на правду? Кaleb посмотрел на неё странно. — Дело не в этом. — А в чём? Но он не успел ответить. Потому что на другом конце зала вдруг стало слишком тихо. Незаметно для остальных, но ощутимо для тех, кто уже научился различать такие вещи. Кaleb напрягся ещё сильнее. Нина, занятая собственными фантазиями, ничего не заметила. Вики проследила за его взглядом. На возвышении у дальнего сектора, среди тёмного бархата, золота и теней, стоял ещё один мужчина. Если Алекс был ледяной угрозой, то этот казался чем-то старше и хуже. Тёмные волосы, бледное лицо, тяжёлый рот, слишком спокойные глаза. В нём не было той режущей красоты, которая сбивала дыхание. В нём было нечто иное — ощущение древней гнили под дорогой тканью. Он смотрел прямо на Вики. И не скрывал этого. — Кто это? — тихо спросила она. Кaleb ответил не сразу. Слишком поздно. Потому что мужчина уже слегка поднял бокал в её сторону, словно приветствуя. У Вики внутри всё похолодело. — Кaleb. Тот наконец произнёс: — Себастьян. Имя прозвучало как дурное предзнаменование. Вики не сводила глаз с незнакомца. — И почему мне от одного его вида хочется немедленно уйти? — Потому что у тебя ещё остались инстинкты, — тихо сказал Кaleb. Нина перевела взгляд на возвышение и тут же прошептала: — Он смотрит сюда. — Спасибо, Нина, — отрезала Вики. — Я бы без твоего экспертного анализа не догада-

лась. Но в следующую секунду произошло то, чего она не ожидала. С другой стороны зала к ним уже шёл Алекс. Быстро. Спокойно. Прямо. И впервые за весь вечер лицо Калеба стало по-настоящему жёстким. Себастьян по-прежнему смотрел на Вики. Алекс остановился рядом с ней — слишком близко, слишком уверенно, как будто имел на это право. И только тогда Себастьян медленно опустил бокал. Отвёл взгляд. Ушёл в тень. Вики перевела глаза на Алекса. — Это что сейчас было? Он не смотрел на неё. Смотрел туда, где только что стоял Себастьян. — Тебе лучше сегодня держаться ближе к выходу, — сказал он. Вики моргнула. — Что? Теперь он всё-таки повернулся к ней. Синие глаза были холодными как лёд. — Я сказал: тебе лучше быть осторожнее. — А я сказала бы спасибо, если бы любила угрозы в командном тоне. — Это не угроза. — Тогда у вас сегодня вечер плохой подачи информации. На секунду его взгляд скользнул по её лицу так, будто он собирался сказать что-то ещё. Но вместо этого Алекс резко перевёл глаза на Калеба. — Ты привёл её сюда без подготовки? — Это не твоё дело. — Уже моё. Вики вскинула брови. — Простите, а можно кто-нибудь сообщит мне, в какой момент я перестала быть человеком и стала предметом обсуждения? Алекс проигнорировал это полностью. Кaleb шагнул вперёд. — Отойди, Алекс. — Или что? Тон был ровным. Почти ленивым. Но воздух между ними мгновенно натянулся. Нина застыла. Вики чувствовала, как у неё под кожей нарастает глухое раздражение, смешанное с тревогой. — Знаете что? — сказала она. — Если вы собираетесь мериться древностью, силой или размером эго, делайте это без меня. Алекс резко посмотрел на неё. И вот теперь — впервые — на его лице мелькнуло что-то вроде тёмного раздражённого интереса. Будто она опять сказала не то, что должна была. — Ты всегда уходишь в самый неподходящий момент? — спросил он. Вики сощурилась. — А ты всегда разговариваешь так, будто тебя в детстве уронили в бочку с самодовольством? Нина выдохнула: — Господи... Но Алекс вдруг едва заметно наклонился к Вики. И голос его стал ниже. Тише. Опаснее. — Ты даже не понимаешь, насколько зря так со мной говоришь. У Вики вспыхнуло всё сразу: злость, страх, упрямство и какая-то болезненная, совершенно неуместная дрожь где-то под рёбрами. Но лицо она удержала. — Тогда просвети, — сказала она. — Желательно без взгляда серийного убийцы. На секунду повисла тишина. Потом — совершенно неожиданно — Алекс отстранился. И словно принял какое-то решение. — Кaleb, — произнёс он, не отводя глаз от Вики. — Если с ней здесь что-то случится, ты первый пожалеешь, что вообще привёз её. Кaleb сжал челюсть. — Не тебе мне указывать. — Уже мне. Вики была уже на пределе. — Вы двое можете прекратить разговаривать так, будто меня здесь нет? Алекс медленно посмотрел на неё сверху вниз. — Могу, — сказал он. — Но не хочу. Это было так нагло, что Вики на секунду потеряла дар речи. Ровно на секунду. — Знаешь что, — произнесла она, — я понятия не имею, почему все здесь либо пялятся, либо пытаются мне приказывать, но если это ваш местный стиль ухода за собой, он отвратительный. Что-то изменилось в его лице. Едва заметно. Почти невидимо. Но Вики почувствовала это мгновенно. Алекс сделал ещё полшага ближе. Так, что между ними почти не осталось воздуха. — Поверь, — тихо сказал он, — если бы я решил за тобой ухаживать, ты бы не перепутала. У Вики пересохло во рту. Она ненавидела это. Ненавидела, что её тело вообще заметило его близость. Ненавидела, что этот голос, этот холодный взгляд и опасность, разлившаяся в нём, отозвались в ней не только тревогой. Она вскинула подбородок. — Какая жалость. Значит, у меня ещё есть шанс избежать худшего. Синие глаза вспыхнули чем-то тёмным. Почти злым. Почти довольным. Почти... Нет. Лучше не думать. Потому что ровно в этот момент Вики поняла главное: он не просто раздражён. Он задет. И почему-то именно это испугало её сильнее всего.

Глава 5. Хищник с ледяными глазами.

Остаток вечера во «Вкусе ночи» Вики провела в состоянии, очень близком к желанию кого-нибудь ударить.

Лучше всего — Алекса.

Сразу после их перепалки он отошёл, но не исчез совсем. Растворился в зале так, как умеют только те, кому не нужно оглядываться, чтобы знать, кто и где находится. Вики не видела его постоянно, но чувствовала — как чувствуют грозу до первого грома. Стоило ей расслабить плечи, перевести дух, попробовать сделать вид, что происходящее её не касается, как взгляд снова находил её. Холодный. Неподвижный. Выводящий из себя.

И хуже всего было то, что она не всегда понимала, откуда именно он смотрит.

Бар жил своей медленной, дорогой, развращённой жизнью.

Нина довольно быстро пришла в себя после первой неловкости и снова начала сиять. Слишком громко смеялась, чуть чаще поправляла волосы, чуть ближе наклонялась к каждому, кто, по её мнению, мог оказаться важным или впечатляющим. Красота была её языком, её бронёй, её валютой. В таких местах Нина расцветала. Здесь от неё не ждали глубины. Здесь достаточно было правильного изгиба губ, длинных ног и умения смотреть так, будто мужчина уже победил, хотя ему ещё только позволили надеяться.

Вики наблюдала за ней с растущим раздражением и едва скрываемой тревогой.

— Ты сейчас взглядом прожжёшь в ней дырку, — тихо сказал Калёб рядом.

Вики не повернулась.

— Если бы всё было так просто, у меня бы жизнь стала заметно приятнее.

Они стояли у дальней части бара, чуть в стороне от толпы. Калёб держал в руке бокал с тёмной жидкостью, к которой едва притрагивался. На нём не отражался полумрак. Не в буквальном смысле — просто всё вокруг него казалось слишком аккуратным, слишком выверенным, будто даже тени старались не касаться его лишний раз.

— Нина умеет о себе позаботиться, — сказал он.

Вики коротко рассмеялась.

— Это ты сейчас серьёзно или у вас у вампиров просто своеобразное чувство юмора?

— Она не ребёнок.

— Нет. Она девушка с комплексом быть выбранной. А это иногда опаснее, чем быть ребёнком.

Калёб взглянул на неё внимательно.

— Ты говоришь о сестре с удивительной жестокостью.

Вики перевела на него взгляд.

— А ты говоришь о нас так, будто читаешь досье, а не разговариваешь с людьми.

— Может быть, я просто наблюдателен.

— Может быть, ты просто лезешь туда, куда тебя не звали.

Он чуть наклонил голову, изучая её лицо.

— Ты всегда кусаешь в ответ?

— Только когда чувствую зубы слишком близко.

На мгновение между ними повисла напряжённая пауза. Потом Калёб очень спокойно сказал:

— Алекс заинтересовался тобой .

У Вики дёрнулся уголок рта.

— Потрясающе. Я всегда мечтала попасть в список вещей, которые интересуют древних психопатов.

— Не шути над этим.

— А что мне делать? Сесть и расплакаться от счастья?

— Ты не понимаешь, что это значит.

— Тогда объясни.

Но Кaleb не успел.

Потому что к Нине как раз подошёл Алекс.

Издалека всё выглядело почти красиво. Даже слишком. Светлые волосы, тёмный костюм, холодное лицо, высокий силуэт рядом с её сияющей, нарочито мягкой фигурой. Нина подняла голову с той особой улыбкой, которая всегда появлялась у неё, когда она чувствовала мужской интерес. Она что-то сказала. Алекс ответил коротко. Нина засмеялась.

Вики резко отвернулась.

Что-то неприятно кольнуло под рёбрами.

Она тут же разозлилась на себя сильнее, чем на него.

— Только не говори, что это тебя задело, — тихо сказал Кaleb.

— Не обольщайся. Меня задело, что у вашей породы коллективная привычка устраивать театр из чужих нервов.

— Алекс редко делает что-то без причины.

Вики снова посмотрела в ту сторону.

Алекс стоял слишком близко к Нине. Не касался, но близость сама по себе уже выглядела как касание. Нина была в восторге. Это читалось по осанке, по лицу, по тому, как оживились её движения.

Но Алекс...

Он почти не смотрел на неё.

Вики заметила это сразу.

Каждые несколько секунд его взгляд скользил поверх светлых волос Нины — и находил её.

Снова.

Снова.

Снова.

Словно именно это и было целью.

— Сукин сын, — пробормотала Вики.

Кaleb уловил.

— Теперь ты поняла?

— Что он играет? Да. Это заметно даже человеку без тысячелетнего опыта манипуляций.

— И всё же ты продолжаешь стоять здесь.

Вики повернулась к нему всем корпусом.

— А что ты предлагаешь? Бежать? Устроить сцену? Увести Нину силой? Это только подольёт масла в огонь.

— Значит, ты не так беспомощна, как хотите казаться.

Она холодно усмехнулась.

— Я вообще не беспомощна. Просто сегодня вокруг слишком много самодовольных мужчин, которым почему-то кажется, что они имеют право испытывать моё терпение.

Кaleb хотел ответить, но Вики уже оттолкнулась от стойки.

— Куда ты? — спросил он.

— Напиться недостаточно, чтобы не убить его, но достаточно, чтобы попытаться выглядеть цивилизованно.

Она ушла, не дожидаясь реакции.

Проходя мимо групп людей и вампиров, Вики всё сильнее ощущала, как этот клуб работает на самых примитивных человеческих слабостях. На желании быть замеченной. Быть желанной. Быть выбранной. Люди сами тянулись к опасности, потому что опасность здесь

пахла роскошью, вниманием и запретным удовольствием. В этом было что-то почти тошнотворное. Будто хищник перестал прятать клыки, а жертвы вдруг решили, что так даже романтичнее.

У длинного зеркального столба рядом с боковым залом она остановилась, чтобы перевести дух.

Плохая идея.

Потому что в отражении сразу увидела его.

Алекс шёл к ней.

Один.

Неспешно.

С тем выражением лица, от которого мир автоматически становился более враждебным.

Вики сжала зубы.

— Конечно, — пробормотала она. — Куда же без тебя.

Он остановился напротив, оставив между ними чуть меньше расстояния, чем было лично.

— Ты резко ушла, — сказал он.

— А ты, я смотрю, решил добить мне вечер окончательно.

Синие глаза скользнули по её лицу.

— Ты ревнуешь?

Вики на секунду просто уставилась на него.

Потом медленно, очень медленно улыбнулась.

Опасно.

— Нет, — сказала она. — Но если ты продолжишь нести такую самовлюблённую чушь, я, возможно, начну надеяться, что солнце взойдёт раньше времени.

Алекс не дрогнул.

— Ты смотрела.

— Я бы и на автомобильную аварию смотрела. Это не значит, что хочу в ней участвовать.

На этот раз что-то тёмное мелькнуло в его взгляде.

Раздражение? Удовольствие? И то и другое?

— Твоя сестра красива, — сказал он спокойно.

Вот теперь удар был намеренным.

Вики почувствовала это сразу.

Он не просто говорил. Он проверял.

Изучал.

Ждал реакцию.

— Поздравляю с наличием глаз, — отрезала она. — Это редкость среди мужчин, которые всё остальное время ведут себя так, будто мыслят исключительно инстинктами.

— Но ты не она.

Вики напряглась.

— Слава богу.

— Ты говоришь так, будто это победа.

— А ты говоришь так, будто мне должно быть важно, в чью сторону ты сегодня смотришь.

Алекс чуть наклонился ближе.

— А разве не важно?

У неё по позвоночнику побежали мурашки — от злости, от его близости, от ненависти к тому, что её тело вообще замечало такие вещи.

Вики вскинула подбородок.

— Нет. Потому что мужчины вроде тебя выбирают не людей. Выбирают удобные игрушки.

Секунда.

Две.

Он смотрел на неё слишком пристально.

Потом тихо спросил:

— А ты неудобная?

Вики усмехнулась.

— Чудовищно.

Впервые за всё время их знакомства он улыбнулся чуть заметнее.

Это было почти незаметное движение губ.

Но лучше бы он не делал этого вовсе.

Потому что от этой редкой, холодной, опасной улыбки внутри у Вики что-то сбилось с ритма.

— Я уже понял, — сказал он.

Она заставила себя не отступить.

— Тогда держись подальше.

— Нет.

Ответ был мгновенным.

Спокойным.

Без малейшего колебания.

Словно он сказал что-то давно решённое.

Вики прищурилась.

— Ты вообще слышал слово «нет» за последнюю тысячу лет?

Алекс опёрся ладонью о столб рядом с её головой. Не касаясь её. Но запирая в пространстве.

Не хватая.

Не прижимая.

Не делая ничего, за что можно было бы сразу ударить.

И от этого было ещё хуже.

— Я слышал его слишком часто от тех, кто хотел, чтобы я счёл это игрой, — сказал он тихо. — Ты говоришь иначе.

Сердце Вики ударилось о рёбра.

Она ненавидела эту сцену уже за сам факт её существования.

— Какая наблюдательность. И что, за это тебе выдают медаль?

Он словно не слышал колкости.

— На тебя не действует внушение.

Вики замерла.

Вот так.

Без предисловий.

Без притворства.

Прямо в цель.

— Понятия не имею, о чём ты, — соврала она.

— Лжёшь.

— А ты высокомерный психопат.

— Это не ответ.

— А это не вопрос.

Он смотрел на неё молча.

И в этой тишине было нечто намного хуже крика. Потому что Алекс явно привык: стоит ему захотеть — и ему отвечают. Сразу. Честно. Или хотя бы с ужасом. Но не с ней.

Никогда не с ней.

И именно это, похоже, выводило его из равновесия.

— Кто ты? — спросил он.

Вики фыркнула.

— Женщина, у которой был отвратительный вечер ещё до того, как ты решил стать его кульминацией.

— Не играй.

— Не приказывай.

На этот раз в его глазах вспыхнуло что-то ледяное и очень древнее.

Опасность.

Настоящая.

Просто на секунду Вики увидела не красивого мужчину в дорогом костюме, а хищника, который привык ломать шеи и судьбы с одинаковой лёгкостью.

Её инстинкт самосохранения взвыл.

Но она всё равно не отвела взгляд.

И кажется, именно это стало последней каплей.

Алекс медленно убрал руку от столба. Выпрямился. Но не отошёл.

Вики почувствовала, как воздух вокруг будто снова сгустился.

Словно сама комната замерла, затаив дыхание.

Он смотрел ей прямо в глаза.

Долго.

Тяжело.

И теперь она уже поняла, что это — попытка.

Не такая грубая, как у Калеба. Не холодный толчок в сознание. Не шёпот в голове.

Хуже.

Глубже.

Тоньше.

Будто тьма мягко раздвигала её мысли изнутри, и чей-то голос без слов обещал: уступи.

Вики напряглась всем телом.

Нет.

Нет.

Нет.

В груди вдруг вспыхнуло жаром, почти болью. На миг перед глазами мелькнуло что-то — то ли серебристая нить, то ли вспышка света. Не снаружи. Внутри. Как будто что-то древнее, спрятанное под кожей, резко откликнулось и встало стеной.

Давление исчезло.

Сразу.

Алекс замер.

И впервые за этот вечер действительно потерял контроль над лицом.

Удивление было настолько чистым, что Вики чуть не рассмеялась.

— Что? — тихо спросила она. — Не вышло?

Он молчал.

В синих глазах теперь было что-то почти опасно личное.

Почти... жадное.

Нет, не в том смысле, который нравился женщинам вроде Нины.

Хуже.

Как у охотника, впервые увидевшего зверя, которого, по всем законам, не должно существовать.

— Интересно, — произнёс он.

— Господи, вы все у вас рождается с этим словом на лбу?

Уголок его рта дёрнулся.

Но взгляд остался тем же.

Тяжёлым.

Пронзающим.

— Кто защищает тебя? — спросил он.

— Моё отвратительное чувство юмора и хроническое недоверие к мужчинам.

— Нет.

— Тогда, возможно, семейная аллергия на самовлюблённых вампиров.

Он сделал ещё полшага ближе.

Слишком близко.

Так, что Вики почувствовала прохладу его кожи даже без касания.

— Ты пахнешь не так, как остальные.

Её дыхание сбилось.

— Ты, случайно, не слышал, что говорить женщине о её запахе без спроса — путь к насильственной смерти?

Алекс будто и этого не услышал.

— В тебе есть что-то старое.

— Отлично. Значит, теперь я не только неудобная, но ещё и антиквариат.

На секунду ей показалось, что он сейчас коснётся её лица.

Но вместо этого Алекс резко отступил.

Как будто сам себя остановил.

Это было почти заметно — внутреннее движение назад, не физическое, а волевое. И почему-то именно это задело Вики сильнее всего.

Он хотел.

Но не позволил себе.

Почему?

— Алекс, — раздался позади голос Калеба.

Стальной.

Предупреждающий.

Оба повернули головы почти одновременно.

Кaleb стоял в нескольких шагах, и его обычная сдержанность стала острее, жёстче. Нина была чуть позади него, растерянная и явно злая из-за того, что снова оказалась не в центре происходящего.

— Я думал, — сказал Кaleb, — тебе хватает развлечений без того, чтобы загонять моих гостей в угол.

Алекс перевёл на него взгляд.

— Твоих?

Всего одно слово.

Но в нём было столько ледяного презрения, что даже Вики почувствовала.

Кaleb не отвёл глаз.

— Я привёз их сюда.

— Это не делает их твоими.

Вики закатила глаза.

— Серьёзно? Может, вы ещё территорию пометите, чтобы я окончательно почувствовала себя предметом мебели?

Нина резко повернулась к ней.

— Ты можешь хоть на минуту перестать?

— Нет, потому что, в отличие от некоторых, мне не нравится, когда два древних психопата обсуждают меня так, будто я бутылка коллекционного виски.

Нина вспыхнула.

— Конечно, всё снова про тебя.

Фраза была брошена быстро, почти на автомате.

Но попала точно.

Вики повернулась к сестре.

— Что, прости?

Нина скрестила руки на груди. Глаза у неё блестели злостью.

— Ничего. Просто удивительно, как ты умудряешься даже здесь сделать так, чтобы все крутились вокруг твоего плохого настроения.

— Да, конечно. Это же я притащила тебя в вампирский клуб и теперь стою, строя глазки каждому опасному мужчине в радиусе десяти метров.

— По крайней мере, я не веду себя так, будто мир мне что-то должен!

— А я, по крайней мере, не путаю мужской голод с восхищением!

Повисла тишина.

Резкая.

Неприятная.

Нина побледнела.

Потом её лицо стало жёстким.

Красивым.

Очень холодным.

— Знаешь что? — тихо сказала она. — Может, ты просто бесишься, потому что в первый раз кто-то всё-таки смотрит на тебя, и ты не знаешь, что с этим делать.

Удар был такой точный, что Вики на секунду перестала дышать.

Проклятая правда всегда больше всего, когда приходит в виде насмешки.

И, конечно, Алекс это услышал.

И Калёб тоже.

Вики медленно повернулась обратно к Нине.

— Ты закончила?

— Нет, — прошипела Нина. — Мне надоело, что ты вечно смотришь на меня так, будто я тупая кукла. Может, хоть раз допусти мысль, что если кто-то выбирает не тебя, дело не только во внешности. Может, ты просто невыносима.

Вики улыбнулась.

Той самой улыбкой, которая появлялась у неё только перед особенно красивыми ударами.

— А может, — мягко сказала она, — тебе стоит хоть раз допустить мысль, что если мужчине нужна только твоя красота, это не победа. Это скидочная витрина.

— Вики, — резко сказал Калёб.

— Не вмешивайся.

Но поздно.

Нина уже отшатнулась, словно её ударили.

На секунду Вики почти пожалела.

Почти.

Потом увидела, как сестра поднимает подбородок и поворачивается к Алексу с нарочито спокойным лицом.

— Я, пожалуй, хочу выпить, — сказала Нина. — Если, конечно, кто-нибудь здесь ещё помнит, что вечер вообще должен был быть приятным.

Алекс смотрел не на неё.

На Вики.

Только на Вики.

И в его взгляде теперь было что-то новое.

Не просто интерес.

Не просто раздражение.

Почти мрачное удовольствие.

Будто он увидел её трещину — и она не сделала её менее привлекательной.

Только опаснее.

— Ты ранишь тех, кого защищаешь, — тихо сказал он.

Вики резко перевела взгляд на него.

— А ты убиваешь тех, кого хочешь. Не тебе читать мне лекции о бережности.

Он не обиделся.

Кажется, его это только сильнее задело в каком-то неправильном смысле.

— И всё же, — произнёс он, — ты выбираешь боль раньше, чем тебе её успевают причинить.

Вот теперь Вики взбесилась по-настоящему.

— А ты выбираешь власть, чтобы не признать, что внутри давно уже ничего человеческого не осталось.

Тишина стала мёртвой.

Даже музыка будто отодвинулась.

Кaleb замер.

Нина уставилась на сестру.

А Алекс...

На одно страшное мгновение его лицо стало совершенно неподвижным.

Таким, каким бывает лёд перед тем, как треснуть.

Вики поняла: вот теперь она зашла слишком далеко.

Но было поздно.

Он шагнул к ней.

Мгновенно.

Без предупреждения.

И оказался так близко, что весь мир сжался до его взгляда, его холода, его присутствия.

— Осторожнее, — сказал Алекс очень тихо.

Ни крика.

Ни угрозы в лоб.

Только этот голос, от которого по коже пошёл мороз.

Вики подняла голову, не позволяя себе дрогнуть.

— Или что?

Синие глаза потемнели.

— Или ты начнёшь говорить вещи, за которые придётся отвечать.

— Попробуй.

Она не знала, откуда взялась эта смелость. Возможно, из злости. Возможно, из усталости. Возможно, из той части себя, которую жизнь когда-то слишком сильно прижала к стене, и с тех пор она предпочитала кусаться первой.

Алекс смотрел на неё ещё секунду.

Две.

Потом очень медленно, почти лениво, провёл большим пальцем по краю собственного бокала, который всё ещё держал в руке.

Стекло под его пальцем треснуло.

Тихо.

Пугающе легко.

Нина судорожно вдохнула.

Кaleb выругался себе под нос.
А Вики почувствовала, как её сердце на мгновение ухнуло вниз.
Просто напоминание.
Вот и всё.
Напоминание о том, кто он такой.
О том, что под красивым лицом, дорогим костюмом и ледяным голосом живёт не мужчина. Живёт чудовище, которое не привыкло, что ему перечят.
И всё же...
Он не сделал ей ничего.
Только смотрел.
Будто сам с собой воевал.
Потом отступил.
Ровно на шаг.
Достаточно, чтобы она снова могла дышать.
— Сегодня я не в настроении ломать тебя, — сказал он.
Вики уставилась на него.
— Какая щедрость.
Уголок его губ едва заметно дрогнул.
— Не испытывай её.
Он развернулся и ушёл.
На этот раз действительно ушёл — к дальнему сектору, где тени были гуще, а музыка тише.
Вики ещё несколько секунд стояла на месте, чувствуя, как кровь шумит в ушах.
Нина отвернулась первая.
— Потрясающе, — бросила она дрожащим голосом. — Ты испортила вообще всё.
— Я? — Вики резко повернулась к ней. — Это я решила поиграть в красивую жертву в клубе, полном хищников?
— Он разговаривал со мной!
— Нет, Нина. Он использовал тебя, чтобы злить меня.
Фраза вылетела раньше, чем Вики успела её смягчить.
Нина побледнела.
Секунда.
Вторая.
Потом в её глазах вспыхнула такая ярость, что она стала почти ослепительной.
— Пошла ты, — прошептала она. И ушла.
Кaleb посмотрел ей вслед, затем перевёл взгляд на Вики.
— Иногда, — сказал он сухо, — мне кажется, вы получаете удовольствие от разрушений.
Вики невесело рассмеялась.
— А мне кажется, что вы все слишком много на себя берёте.
— Алекс не должен был подходить к тебе так близко.
— Неужели? А я уж подумала, у вас здесь это часть приветственного этикета.
— Я серьёзно.
— И я тоже.
Кaleb на мгновение замолчал.
Потом очень тихо спросил:
— Что ты почувствовала, когда он попытался?
Вики резко посмотрела на него.
— С чего ты взял, что он пытался?
— С того, как он потом на тебя смотрел.

Она отвела взгляд.

Внутри всё ещё жило это ощущение — холодное давление и вспышка тепла изнутри, будто что-то невидимое встало перед ней стеной.

Что-то, что не принадлежало обычному человеку.

— Ничего, — соврала Вики.

Кaleb смотрел слишком внимательно, чтобы поверить.

Но спорить не стал.

— Вам нужно уехать отсюда.

— Наконец-то здравая мысль за вечер.

— Я отвезу вас.

Вики хмыкнула.

— Это почти заботливо. Неужели у тебя закончились психологические эксперименты?

— Наоборот, — тихо ответил он. — Они только начались.

И именно эта фраза добила её окончательно.

— Прекрасно, — выдохнула Вики. — Тогда вези меня домой, пока я не выбрала сегодня какого-нибудь вампира и не проверила, правда ли деревянный стул годится как оружие.

Они нашли Нину у бара. Она уже успела выпить что-то тёмное, сладкое и смотрела мимо сестры с тем видом, который Вики знала слишком хорошо: смесь унижения, упрямства и желания доказать, что ей всё равно.

Всю дорогу домой Нина молчала.

Кaleb тоже.

И только Вики сидела на заднем сиденье, глядя в окно на размазанную фарами ночь и чувствуя, что внутри неё стало на одну опасную трещину больше.

Потому что самое страшное было даже не в том, что Алекс её заметил.

Не в том, что не смог подчинить.

Не в том, что рядом с ним тело отзывалось на угрозу слишком остро, слишком живо.

Самое страшное было в другом.

Когда он сказал: «Сегодня я не в настроении ломать тебя», часть её почему-то услышала не только угрозу.

Часть её услышала, что он мог бы.

И не стал.

А значит, в этой игре уже появились правила, которых она не понимала.

Когда машина остановилась у дома, дождь снова начал моросить. Нина вышла первой и, не оглядываясь, направилась к крыльцу. Кaleb заглушил двигатель, но не открыл дверь.

— Что ещё? — устало спросила Вики.

Он смотрел перед собой.

— Алекс не интересуется смертными просто так.

— Я уже поняла.

— И если он решил, что ты важна...

— То что? Мне выдать себе медаль и заранее составить завещание?

Кaleb наконец повернул голову.

— То тебе стоит вспомнить всё, что бабушка когда-либо скрывала от вас.

Вики напряглась.

— Ты знаешь о ней больше, чем говоришь.

— Да.

— Тогда говори.

Он помолчал.

Потом тихо произнёс:

— Не здесь.

Вики едва не рассмеялась от злости.

— Ненавижу вас всех.

— Знаю.

Она толкнула дверь и вышла под мелкий дождь.

Но уже на полпути к дому остановилась.

Потому что на другой стороне улицы, прямо под неработающим фонарём, стоял высокий светловолосый силуэт.

Неподвижный.

Спокойный.

Слишком знакомый.

Алекс.

С такого расстояния лица было почти не видно, только линия плеч, бледность рук, холодная геометрия фигуры в темноте.

Он не сделал ни шага.

Не окликнул.

Просто смотрел.

Словно хотел убедиться, что она вернулась.

Или напомнить, что это ещё не конец.

Вики почувствовала, как по коже идёт холод.

Потом злость.

Потом что-то ещё — опасное, ненужное, тянущее.

Она резко отвернулась и зашла в дом, захлопнув дверь чуть сильнее, чем нужно.

Только прислонившись к ней спиной в тёмной прихожей, Вики поняла:
эта ночь ничего не закончила.

Она только научила чудовище её запаху.

Глава 6 Девушку, которую нельзя согнуть.

На следующее утро Вики проснулась с ощущением, будто ночью кто-то аккуратно вынул ей нервы и вернул на место в неправильном порядке.

Дом был тих.

Слишком тих.

Нина ещё не вышла из комнаты, и Вики не знала, радоваться этому или настораживаться сильнее. После вчерашнего они почти не разговаривали. Точнее, совсем не разговаривали. Нина хлопнула дверью своей спальни так, словно надеялась, что вместе с ней из дома исчезнет и старшая сестра. Не исчезла. Как обычно.

Вики стояла на кухне с кружкой кофе и смотрела в окно на мокрую улицу. Небо было низким, белёсым, будто день не определился, хочет ли вообще начинаться. На другой стороне дороги пустовал тротуар под неработающим фонарём. Разумеется, никого там уже не было.

Но память упрямо держала картинку: высокий силуэт, неподвижность, ледяное терпение хищника, который не спешит, потому что уверен — добыча никуда не денется.

Вики резко отвернулась от окна.

— Прекрати, — пробормотала она себе.

— Что прекратить?

Нина стояла в дверях кухни. Бледная, с растрёпанными волосами и тяжёлым взглядом человека, который спал плохо и проснулся всё ещё злым. На ней была длинная футболка, когда-то белая, а теперь просто домашняя. Без макияжа она выглядела моложе и уязвимее — почти как та девочка, которая в детстве пряталась под одеялом во время грозы и делала вид, что ей не страшно.

Почти.

Но только почти.

— Разговаривать сама с собой, — сухо сказала Вики.

Нина прошла к холодильнику.

— Это наследственное.

— Значит, у нас хотя бы один общий талант.

Нина ничего не ответила. Достала сок, налила в стакан и стояла спиной, будто выбор между молчанием и новой ссорой ещё не был сделан окончательно.

Вики отпила кофе.

— Как ты?

Нина фыркнула.

— Серьёзно?

— Да, представь себе.

— Я прекрасно.

— Врёшь.

Нина резко повернулась.

— А ты хочешь, чтобы я что сказала? Что мне неприятно? Что я выглядела идиоткой? Что меня бесит, как ты разговариваешь со всеми, будто заранее уверена, что они дерьмо?

Вики медленно поставила кружку на стол.

— Если бы я не была уверена хотя бы наполовину, жизнь много раз уже доказала бы мне обратное.

— Нет, Вики. Жизнь доказала тебе одно: ты ждёшь удара раньше, чем кто-то успеет поднять руку.

Удар вышел хорошим.

Почти взрослым.

Слишком точным для Нины, которая обычно сражалась красотой, а не словами.
Вики криво усмехнулась.

— Это вчера Алекс тебе подсказал, или ты сама доросла?

Нина стиснула зубы.

— Не впутывай его в каждую фразу!

— С удовольствием, как только вы оба перестанете впутываться в мою жизнь.

— Он не впутывался в твою жизнь. Он просто говорил с тобой.

— Смотрел на меня, как на редкую болезнь в интересной стадии.

— Господи, да что с тобой не так? — Нина всплеснула рукой. — Впервые кто-то... —
она оборвала себя, но поздно.

Вики сощурилась.

— Что?

Нина отвернулась.

— Ничего.

— Договаривай.

— Не хочу.

— Договаривай, Нина.

Та резко поставила стакан в раковину.

— Впервые кто-то смотрел на тебя так, будто ты для него значишь больше, чем фон, и ты ведёшь себя так, будто это оскорбление.

Тишина повисла между ними тяжёлая и некрасивая.

Вики смотрела на сестру, чувствуя, как внутри медленно поднимается старое, знакомое, горькое.

— Значит, ты тоже это заметила, — тихо сказала она.

Нина вздёрнула подбородок.

— Трудно было не заметить. Он почти не смотрел на меня.

И вот это уже было не злостью.

Это была боль.

Очень голая.

Очень человеческая.

Вики на секунду захотелось подойти, взять её за плечи, сказать что-нибудь нормальное, старшее, тёплое.

Но между ними слишком давно всё шло через стекло.

— Это ничего не значит, — сказала она вместо этого.

Нина коротко рассмеялась.

— Тебе очень хочется в это верить, да?

Прежде чем Вики нашлась с ответом, за окном просигналили.

Обе застыли.

Нина первая дёрнулась к окну.

И сразу выдохнула.

— Это Калёб.

Вики закатила глаза к потолку.

— Какая у меня насыщенная социальная жизнь. Прямо мечта интроверта с травмой.

Нина быстро пригладила волосы и бросила на сестру напряжённый взгляд.

— Я поеду с ним в университет.

— Ты сегодня должна была быть дома.

— У меня проект.

— У тебя вампир с плохими намерениями.

— Перестань.

— Нет.

Нина уже схватила сумку.

— Ты не можешь запрещать мне жить.

— А ты не можешь делать вид, что живёшь, если тебя ведут на поводке!

Фраза ударила сразу.

Нина застыла у двери.

Очень медленно повернулась.

— Знаешь, что в тебе самое невыносимое? — тихо спросила она. — Ты так боишься, что тебя никогда не выберут по-настоящему, что заранее считаешь любую чужую привязанность ложью.

Вики открыла рот.

Не сразу нашла слова.

Потому что больнее бьют не самые злые.

А самые точные.

Нина ушла, не дожидаясь ответа.

Через окно Вики увидела, как сестра садится в машину Калеба, как тот наклоняется к ней, что-то говорит, и Нина сразу становится мягче, спокойнее, тише.

Слишком тише.

Вики смотрела, пока машина не скрылась за поворотом.

Потом взяла остывший кофе и вылила его в раковину.

День тянулся мучительно медленно.

Она не могла усидеть дома, поэтому убралась на кухне, поменяла постель, перерыла старый комод в бабушкиной комнате, снова нашла ту самую салфетку с высохшими травами и долго держала её в руках, будто от простого касания память обязана была выдать ответы.

Не выдала.

Только тяжёлое чувство, что ответы есть. Где-то рядом. В стенах, в вещах, в старых привычках бабушки, которые тогда казались просто странностями.

К вечеру Вики уже была вымотана ещё до смены.

Рэй заметил это сразу.

— Если ты сегодня кого-нибудь убьёшь, — сказал он, протирая стакан, — хотя бы делай это за пределами бара. Мне не нужны проблемы с полицией и шваброй одновременно.

Вики завязала фартук.

— Я постараюсь выбрать жертву с уважением к твоему бизнесу.

— Нина?

— Всё ещё жива, если ты об этом.

— Я вообще-то спрашивал не про неё.

Вики нахмурилась.

— Тогда про кого?

Рэй скривился.

— Про того светловолосого ублюдка, который сейчас стоит у входа и выглядит так, будто пришёл купить это здание вместе с твоими нервами.

Вики замерла.

Медленно повернула голову.

У дверей бара, под красно-синим отсветом вывески, стоял Алекс.

Один.

Без спешки.

Без малейшей попытки выглядеть уместно среди потёртых столов, запаха жареного лука и дешёвого пива. На нём было чёрное пальто поверх тёмной рубашки, и казалось, будто сама ночь встала в дверях и решила, что ей здесь всё равно никто не откажет.

Несколько женщин у ближайших столиков уже посмотрели в его сторону. Один мужчина напрягся, будто инстинктивно почувствовал конкурента ещё до того, как понял, в чём именно проигрывает.

Вики медленно выдохнула.

— Вот же чёрт.

Рэй перевёл взгляд с неё на Алекса и обратно.

— Ты его знаешь.

— К сожалению.

— Он горячий.

Вики усмехнулась без веселья.

Алекс двинулся к стойке.

Неторопливо.

С тем видом, будто весь зал обязан сам расступиться перед ним. И, что бесило сильнее всего, зал действительно расступался — не явно, не театрально, а чуть-чуть, на уровне инстинкта. Люди не всегда понимали, почему делают шаг в сторону. Но делали.

Вики осталась стоять на месте.

Если он пришёл получить спектакль, пусть хотя бы не думает, что она упростит ему задачу.

Алекс остановился у стойки и посмотрел на неё так, будто вчерашний вечер не закончился, а просто растянулся на ночь.

— Ты работаешь здесь, — сказал он.

Вики вскинула бровь.

— Поразительная наблюдательность. А я уж боялась, бессмертие плохо влияет на интеллект.

Синие глаза остались неподвижными.

— Ты всегда начинаешь с нападения?

— Только когда гости приходят без приглашения и с лицом, которое просит пощёчину.

Рэй рядом тихо кашлянул.

— Я, пожалуй, отойду, — сообщил он, внезапно заинтересовавшись кассой на другом конце стойки.

Предатель.

Вики проводила его взглядом и снова посмотрела на Алекса.

— Что тебе нужно?

— Выпить.

— Неправда.

— Тогда удиви меня и налей так, будто тебе всё равно.

Она сжала челюсть, но взяла стакан.

— Что ты пьёшь?

— Бурбон.

— Как оригинально. Даже монстры у нас с базовым вкусом.

Наливая, Вики ощущала его взгляд почти физически. Не на руках, не на лице, а где-то глубже, будто он снова примерял её под свои невозможные выводы.

Она поставила стакан на стойку чуть резче, чем требовалось.

— Держи.

Алекс не взял его сразу.

— Ты злишься.

— Неужели?

— Ты думала обо мне весь день.

У Вики дёрнулся уголок рта.

— Нет. Я думала о налогах, похоронах, сестре, работе, наследственных психических отклонениях и пару раз — о том, чтобы сбежать в Канаду. Ты был где-то между мусорным пакетом и мигренью.

На этот раз он всё же взял стакан.

Сделал маленький глоток.

И, не сводя с неё глаз, сказал:

— Ложь тебе не идёт.

— А тебе идёт только молчание. Попробуй практиковать чаще.

Он опёрся локтем о стойку. Спокойно. Уверенно. Слишком удобно для человека, который не должен был знать, как сюда вписаться.

— Твоя сестра сегодня не с тобой.

Вики замерла всего на долю секунды, но он заметил.

Конечно, заметил.

— А ты пришёл вести учёт моей семьи?

— Нет. Я проверяю, кто рядом с тобой, когда рядом нет меня.

Вики уставилась на него.

— Это вообще должно было прозвучать как что-то, не вызывающее желания ударить?

— Не обязательно.

— Тогда молодец. Справился.

Алекс чуть склонил голову.

— Ты не спросила, зачем я пришёл на самом деле.

— Потому что мне всё равно.

— Нет. Потому что боишься услышать.

Вики медленно наклонилась вперёд, упираясь ладонями в стойку.

— Послушай, ледяной мальчик, если ты сейчас попытаешься превратить мой рабочий вечер в психологический разбор, я найду в подсобке что-нибудь деревянное и проверю, правда ли легенды не врут.

В его взгляде мелькнуло что-то опасно похожее на удовольствие.

— Ты угрожаешь мне почти нежно.

— Это называется сервис.

Несколько секунд он молчал.

Потом очень тихо сказал:

— Я пришёл, потому что хотел убедиться, что вчера не ошибся.

Шум бара вдруг стал фоном. Вики слышала смех за дальним столиком, звон бутылок, чей-то кашель, но всё это будто ушло дальше.

— В чём? — спросила она холоднее, чем чувствовала.

— В том, что тебя нельзя согнуть так, как остальных.

Её пальцы сильнее сжались на краю стойки.

— И как успехи?

— Раздражающие.

— Прекрасно. Надеюсь, страдаешь.

Он чуть наклонился ближе.

— Ты даже не представляешь.

У Вики по коже пробежал холод.

Не романтичный.

Не сладкий.

Неправильный.

Потому что в его голосе было слишком много честности для существа, привыкшего манипулировать.

Она собиралась ответить, но в этот момент с края стойки подал голос тот самый тип с прошлой смены — подвыпивший, краснолицый, с самоуверенностью человека, не умеющего понимать сигналы опасности.

— Эй, куколка, — протянул он. — Ты мне ещё пиво должна.

Вики даже не посмотрела на него.

— Жди очереди, Тревор.

— Да ладно, не будь сучкой, — он потянулся и почти коснулся её запястья.

Почти.

Потому что Алекс повернул голову раньше, чем тот успел дотронуться.

Всего лишь посмотрел.

Тревор замер.

Рука повисла в воздухе, а потом медленно опустилась обратно, будто человек внезапно вспомнил, что жить всё-таки хочет.

Лицо его побледнело.

Он отвёл взгляд.

— Я... потом зайду, — пробормотал он и поспешно отвалил к своему столику.

Вики перевела глаза на Алекса.

— Серьёзно?

— Он тебе мешал.

— Я бы справилась.

— Знаю.

— Тогда не вмешивайся.

— Нет.

Она раздражённо выдохнула.

— У тебя вообще беды с согласием.

— У меня беды с тем, что рядом с тобой слишком много раздражающих факторов.

— Например?

— Люди. Мужчины. Твоя сестра. Калёб.

Последнее имя он произнёс особенно холодно.

Вики уловила это сразу.

— О, — медленно сказала она. — Так вот в чём дело.

Его взгляд стал жёстче.

— В чём же?

Она усмехнулась.

— Тебя бесит, что рядом со мной есть кто-то ещё, кто что-то знает. Это уже не охотничий интерес. Это собственничество.

Алекс замолчал.

И молчание это было красноречивее любой фразы.

— Как мило, — продолжила Вики. — Древний вампир, тысячу лет проживший на свете, вдруг обнаружил, что не любит делиться игрушками.

Синие глаза потемнели.

— Не называй себя игрушкой.

Улыбка исчезла с её лица.

— А чем ещё ты меня считаешь?

Он смотрел долго.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Ошибкой.

Вики моргнула.

— Что?

— Ты не должна была оказаться в этой истории.

— Потрясающе. И всё же вот я здесь. Какая досада.

Он не ответил на колкость.

— Кaleb привёл тебя туда не просто так.

— Да неужели? А я-то думала, он просто любит плохую музыку и сомнительные интервью.

— Себастьян видел тебя.

Имя отозвалось внутри неприятным холодом.

Вики заставила себя не показать этого.

— И что?

— И это плохо.

— Ты сейчас удивишься, но мне не нужны ваши вампирские экспертные оценки по поводу степени моего дерьмового положения.

Алекс поставил стакан на стойку.

Очень тихо.

— Ты не понимаешь, насколько.

— Тогда объясни нормально, а не как психопат, которому забыли выдать инструкцию по человеческому общению.

Он слегка наклонился к ней, и в этот момент Вики снова почувствовала то, что уже начала ненавидеть: его близость работала на неё как угроза и как ток одновременно. Хотелось отступить. Хотелось не отступать.

— Себастьян не смотрит на смертных без причины, — сказал Алекс. — Если он увидел в тебе ценность, он придёт снова.

— Какая честь.

— Это не честь.

— Это ты уже говорил. И пока всё, что я слышу, — туманные предупреждения от очень красивых уродов с комплексом контроля.

На этот раз Алекс вдруг протянул руку.

Медленно.

Так, что у Вики было время перехватить, ударить, отшатнуться.

Но он лишь взял со стойки её раскрытую ладонь.

Всего на секунду.

Коснулся внутренней стороны запястья большим пальцем.

Кожа у него была холодной.

Почти ледяной.

И от этого прикосновения по её телу будто прошёл короткий, злой импульс — не удовольствие, нет. Хуже. Осознание. Слишком острое, слишком живое.

Он прижал мою руку к лицу, вдохнув её аромат. В глазах у меня потемнело, дыхание замерло. Как такое чудовище может оказывать на меня такое воздействие? Внутри меня сжималось нечто — не знаю, страх или желание, чтобы он никогда не отпускал мою руку.

Вики выдернула руку.

— Ты что творишь?

Его взгляд скользнул по месту, которого он коснулся.

— Проверяю.

— Ещё раз проверишь без спроса — останешься без пальцев.

— На тебе есть след.

Она застыла.

Опустила взгляд на запястье.

На коже, почти незаметный под светом бара, проступал тонкий серебристый узор — будто тень ветки или переплетённой линии, которой ещё утром там точно не было.

У Вики пересохло во рту.

— Что это? — спросила она тихо.

Алекс не ответил сразу.

Синие глаза снова поднялись к её лицу.

— Вот почему.

— Почему что?

— Почему ты пахнешь иначе.

Она резко сжала пальцы, словно могла скрыть метку самой силой воли.

— Ты мне ничего не объяснил.

— Потому что сначала хочу понять, насколько поздно.

— Поздно для чего?

— Для того, чтобы вытащить тебя из этого до того, как тебя захотят все.

Фраза прозвучала так спокойно, что именно это и напугало.

Вики открыла рот.

Закрыла.

Потом тихо сказала:

— Уходи.

Алекс смотрел ещё секунду.

Будто решал, послушаться ли.

Потом кивнул почти незаметно.

Оставил деньги за выпивку и выпрямился.

— И ещё, Вики.

Она ненавидела то, как от его голоса по спине проходил холодок.

— Что?

— Если Кaleb появится у вашего дома раньше меня — не впускай его.

У неё внутри всё оборвалось.

— Раньше тебя?

Он задержал на ней взгляд.

— Именно.

И ушёл.

На этот раз действительно ушёл, оставив после себя тяжёлую тишину и стакан, в котором на дне ещё поблёскивал бурбон.

Вики стояла за стойкой, глядя на собственное запястье.

Серебристый узор не исчезал.

Рэй появился рядом спустя минуту и подозрительно посмотрел на её лицо.

— Мне стоит спрашивать?

Вики медленно спрятала руку под стойку.

— Если ты хочешь спокойно спать, то нет.

Он хмыкнул.

— Значит, всё совсем плохо.

Она коротко рассмеялась.

— Похоже, да.

Но в голове у неё звучало не это.

А другое.

Если Кaleb появится у вашего дома раньше меня — не впускай его.

Не если он придёт. А если он придёт раньше меня.

И почему-то именно это пугало больше всего.

Потому что означало простую, страшную вещь:
Алекс уже решил, что имеет право прийти.

Глава 7 Гости на пороге.

На обратном пути из бара мысли об Алексе не давали мне покоя. Его высказывания, его манера поведения — зачем он решил предостеречь меня насчет Калеба? Или за этим стояли иные, тайные цели? Я осознавала, что дистанция с Алексом жизненно необходима. Он — древний вампир, не знающий сострадания. Однако куда сильнее меня ужасало то, что я начала испытывать к нему симпатию, и это осознание вселяло в меня первобытный страх. Я вышла из автомобиля; в комнате сестры еще горел свет. Приятное чувство облегчения охватило меня от того, что она дома и с ней все в порядке. Сняв обувь, я вошла в дом и направилась на кухню, чтобы выпить воды. В этот момент Нина выглянула из своей комнаты и спустилась на пару ступенек вниз. — Ты сегодня задержалась. Вики обернулась, чтобы взглянуть на сестру. — Было много посетителей. — К тебе в бар заглядывал кто-то особенный? — в глазах Нины читалась явная надежда. Я чувствовала, что этот вопрос не случаен и она ждет от меня радостной вести. Я не желала упоминать Алекса, не хотела, чтобы она знала, и тем более не хотела впускать его в нашу общую реальность. — Да, заходил Алекс. Лицо Нины мгновенно преобразилось, а глаза азартно блеснули. — И что ему было нужно? — Просто зашел выпить, — отрезала я, не желая продолжать разговор об этом мерзавце. Нина же, напротив, раззадорилась: — Зачем ему искать именно тот бар, в котором работаешь ты? — Нина, я понятия не имею. — И что, он просто пил? О чем вы беседовали? — Просто пил, ничего существенного он не говорил. Нина заметно напряглась; ей явно не понравился мой ответ или сам факт общения с Алексом. Так случалось всегда, будь то в школе или на вечеринках: стоит какому-нибудь парню заговорить со мной, как тут же появляется Нина, и все внимание переключается на нее. Возможно, именно из-за этого у меня никогда не складывалось ничего серьезного. Мужчины проявляли интерес ко мне, но стоило Нине возникнуть рядом, как они переключались на нее. Я не держу на сестру зла, я лишь объективна: наша внешность — это небо и земля. Но Алекс пришел именно в мой бар, когда Нины не было рядом, и он действительно разговаривал со мной.

Нина взглянула на меня, и в её глазах читалось явное напряжение. — Алекс интересовался мной? Нет, нет и еще раз нет — я отчетливо вижу эту надежду в её взгляде, но не смею её питать. Он лишь обманет, ранит и отбросит, словно ненужную игрушку, как только наиграется. Подобным мужчинам не нужны ни чувства, ни преданность, их ведут лишь низменные инстинкты и жажда контроля. — Он всего лишь поинтересовался, где ты. Лицо Нины мгновенно озарилось восторгом. — И что ты ему сказала? Вики перевела взгляд на сестру и произнесла совершенно бесстрастным тоном: — Я проигнорировала его вопрос. Нина сбежала вниз по лестнице и подошла ко мне вплотную. — Но почему? — её глаза наполнились яростью. — Ты делаешь это намеренно? Он тебе самому приглянулся? Зачем ты мешаешь мне обрести счастье? Я смотрю на сестру и не верю собственному слуху. Да, конечно, именно так! Я пытаюсь оградить её от союза с вампиром, который не способен на ничего, кроме потребительского желания. Ты всерьез веришь, что он выберет тебя или меня? Ему на нас наплевать. — Не болтай лишнего, Вики. Возможно, он на тебя даже не взглянет... — Да не очень-то и хотелось, я не музейный экспонат. Нина сократила дистанцию и произнесла уже более ровным голосом: — Тогда просто освободи место и уступи его мне. Тем более, такой мужчина точно не посмотрит на тебя. А у нас есть все шансы, мы будем смотреться вместе идеально. Глядя на сестру, я ощутила невыносимую душевную боль от этой ссоры. Говорят, что сильнее всего ранить может только родной человек. Я никогда не стояла на пути у младшей сестры, всегда старалась помочь и поддержать её всем, чем могла. Мне пришлось повзрослеть слишком рано после исчезновения родителей. Они были экспедиторами и пропали пятнадцать лет назад, когда мы с Ниной были совсем крохами. Сначала я тешила себя надеждой на их возвращение, но шли годы, и вера окончательно угасла. Я стремилась стать для сестры надежной опорой, обещала всегда

быть рядом. Но в этой жизни всё пошло наперекосяк...— Тебе его в подарочную упаковку с бантиком завернуть или так возьмешь? Нина раздраженно закатила глаза: — Вики, ты невыносима! — Послушай, Нина, я вот не пойму: ты что, решила собрать целую коллекцию? Кaleb уже пополнил твой список? Нина лишь слегка улыбнулась уголками губ: — Это не касается тебя, это моя личная жизнь.

Не успела я произнести и слова, как во входную дверь раздался едва уловимый, вежливый стук. Нина мгновенно оживилась:

— Это Кaleb!

Я внутренне напряглась, вспомнив предостережение Алекса: не пускать Калеба внутрь. Я перехватила руку сестры и жестом велела ей замолчать.

Стук Калеба стал более настойчивым:

— Нина, открывай!

Сестра попыталась вырваться из моей хватки, чтобы распахнуть дверь:

— Вики, что за дела? Это же Кaleb!

Я изо всех сил сжала её ладонь, умоляя ни в коем случае не открывать.

Кaleb приблизился к порогу: — Вики, я чувствую твой запах, он стал сильнее. Ты в смертельной опасности, если непустишь меня.

За дверью послышался шум, и раздался ледяной, вызывающий голос Алекса:

— Вика, какая покорная девочка; правильно сделала, что не впускаешь Калеба, пока меня нет.

В прихожей стало так тихо, что Вики слышала собственный пульс.

Он бился быстро, глухо, где-то в горле, под языком, в запястье, где серебристый узор всё ещё пульсировал слабым жаром под кожей.

Нина стояла рядом, бледная, напряжённая, с расширенными глазами, в которых теперь было уже не раздражение — страх. Настоящий. Живой. Тот самый, который снимает с человека последние красивые маски.

За дверью — Кaleb.

Снаружи, почти у самого крыльца, — Алекс.

Кaleb сократил дистанцию, приближаясь к порогу; его тон оставался спокойным и размеренным, будто он не собирался ломать преграды, а лишь намеревался сообщить нечто судьбоносное.

— У меня есть сведения, способные спасти тебе жизнь.

Вики приблизилась и слегка приоткрыла створку, обнаружив в дверном проеме Калеба в черном плаще и белой рубашке, чей серый взор внушал первобытный ужас. На лестнице, опершись о перила, замер Алекс в кожаной куртке и джинсах; его волосы были зачесаны назад, а взгляд казался холодным, но в нем читалось нечто большее.

— Выкладывай всё здесь, внутрь я тебя не впущу. У нас не прибрано.

Кaleb вспыхнул от гнева.

— Ты не осознаешь, что совершаешь: вы с сестрой подвергаете себя смертельной угрозе.

Алекс сделал шаг вперед, бросил на меня быстрый взгляд и, повернувшись к Калебу, произнес:

— С тобой она рискует оказаться в куда более страшной опасности.

Глава 8 Первое пробуждение.

Кaleb пребывал в явном напряжении. Его ярость была вызвана тем, что ситуация начала ускользать из-под его контроля. Он впился в меня хищным взглядом, от которого по спине пробежал леденящий ужас.

Я приоткрыла дверь чуть шире, чтобы охватить взглядом всю сцену. Сначала я посмотрела на Калеба, затем перевела взор на Алекса; он тоже смотрел на меня — пристально и глубоко, изучая каждую черту моего лица и каждое движение. Мне казалось, будто я физически ощущаю его касания: как его взгляд скользит по лицу, замирает у губ, спускается к шее и ключице. В его глазах читалось не только вожеление, но и нечто тревожное, словно он всерьез опасался, что со мной может случиться беда.

Кaleb сделал короткий шаг вперед и оперся о дверной косяк. — Значит, ты меня непустишь? — Он смотрел мне прямо в глаза, пытаясь прочесть мои мысли и очаровать, готовый на всё, лишь бы получить доступ в дом.

Внезапно я почувствовала жжение в руке: едва заметная метка начала наливаться ярким цветом, расходясь по коже, словно ветви дерева. Боль усиливалась, становясь невыносимой, но я не подала виду и спрятала руку за спину.

— Нет, ты можешь высказать всё прямо здесь.

— Неужели тебе не страшно? Опасность уже близко, и сейчас я — твой единственный шанс на спасение.

Алекс начал приближаться, двигаясь почти бесшумно. Затем он произнес с ледяной язвительностью:

— Кaleb, ну что ты такой предсказуемый. Ты же понимаешь, что Вики не купишь своим обаянием. И поэтому ты решил использовать её сестру? Довольно печально, но признаю: это хитрый способ подобраться к Вики поближе, не так ли?

Лицо Калеба мгновенно изменилось; кажется, впервые на его лице сползла маска благородства, которую он так тщательно поддерживал. Он замер в замешательстве, не зная, что возразить — Алекс застал его врасплох. Кaleb перевел взгляд с меня на Нину, которая выглядела совершенно раздавленной.

Впервые в жизни Нина оказалась не самостоятельной личностью, а лишь разменной монетой в чужой игре ради приближения к сестре. Её мир рухнул: девушка, привыкшая быть в центре внимания, вдруг превратилась в второстепенного персонажа. Нина вышла из тени сестры и, едва сдерживая рыдания, произнесла:

— Кaleb...

— Это неправда!

— Отвечай! — Она смотрела на него с отчаянной надеждой.

Кaleb опустил глаза и тяжело вздохнул.

— Сначала так оно и было, но...

— Что «но»?! — вскрикнула Нина.

— Я осознал, что ты не просто инструмент для достижения целей твоей сестры. Что-то изменилось, но...

Вики смотрела на Калеба с презрением; она знала, что он может разлучить их, но не ожидала, что причиной станет она сама. От ярости, охватившей её, метка на руке разгорелась еще сильнее. Ей хотелось кричать от боли, но она лишь крепко сжала кулаки, заставляя себя терпеть.

Заметив состояние Вики, Алекс подошел к ней и вытянул её руку из-за спины. Он изучил метку, затем посмотрел на девушку; в его глазах читалось осознание: пути назад нет, и теперь всё станет в разы опаснее. Теперь даже не древние вампиры захотят завладеть этой силой. Как только она окажется в чужих руках, начнется кровавая война за власть.

Кaleb переместился ближе к выходу, туда, где Алекс сжимал мою ладонь; едва заметив печать, он мгновенно побледнел, насколько это было физически возможно.

— Черт возьми, Вики, мы в глубокой заднице. Я полагал, у нас еще есть запас времени, но теперь нам жизненно необходим план, ведь Себастьян наверняка уже где-то поблизости и ощущает пробуждение твоей истинной мощи.

Вики высвободила руку из ледяной и мертвой хватки Алекса, бросив взгляд на охваченного ужасом Калеба, на несчастную и растерянную Нину, не понимающую сути происходящего, и на Алекса, чей нечитаемый, холодный взгляд был прикован исключительно к ней.

Пока я пыталась осознать масштаб катастрофы, Нина подошла ко мне и крепко сжала мою руку.

— Вики, что это? Откуда оно взялось?

Алекс взял на себя роль объясняющего.

— Это клеймо древнего ведьминского рода, который считался полностью истребленным. В былые времена между ведьмами и вампирами шла война: кровожадные вампиры жаждали власти и нуждались в крови ведьм для усиления своего могущества. Однако магия работала лишь в том случае, если ведьма отдавала её по собственной воле. Силой забрать её нельзя. Совместное существование было невозможным из-за бесконечных конфликтов. Вампиры уничтожили ведьм, поскольку те представляли смертельную угрозу для кланов, ведь сильнейшие из них могли убить вампира в одно мгновение. Но, очевидно, не все были стерты с лица земли, ведь кто-то сумел запечатать магию, и теперь она передается по женской линии от старшей к младшей через твою кровь.

Весь этот период я не сводила глаз с Алекса, осознавая, что моя жизнь окончательно превратилась в хаос. Теперь предстояло решить, как выжить не только мне, но и моей сестре, о которой я обязана была позаботиться. Нина, кажется, даже лишилась дара речи; она лишь широко раскрытыми глазами смотрела на меня, точно в детстве, когда я читала ей страшилки.

— Нина, всё в порядке, — произнесла я максимально спокойным тоном. — Я ведь не превращусь в злую ведьму на метле, верно?

Нина наконец вышла из оцепенения и посмотрела на меня, осознавая масштаб грядущих перемен.

— А почему у меня нет метки? — с явной опаской в голосе спросила она.

Алекс ответил незамедлительно:

— Метка переходит к старшим в роду. Когда скончалась ваша бабушка, она должна была достаться матери, но из-за её исчезновения она перешла к Вики. Вики слишком молода, чтобы полноценно удерживать её, поэтому проявляется сила, которую легко распознают вампиры.

Нина перевела взгляд на меня: — Вики, мне так жаль, что это теперь связано с нами. А если ты погибнешь, она перейдет ко мне? И могу ли я добровольно отдать свою кровь вампиру?

Вики с гневом посмотрела на сестру: — Нина, надевай шапку зимой, а то совсем мозги растеряла. Ты думаешь, вампиры — друзья? Они лишь используют тебя как сосуд. Никому из них нельзя доверять, какими бы сладкими ни были их речи.

Алекс же смотрел на меня с вызовом в глазах: — Узнаю этот тон. В тебе оказалось гораздо больше ведьмы, чем я предполагал. Тебе это к лицу.

Я взглянула на Алекса, и он ответил мне вызывающим взглядом. Ах ты негодяй, если считаешь получить мою кровь, то можешь только мечтать. Я никогда не стану твоим скотом, чтобы ты обрел силу и власть. Я видела, как он прочел это в моих глазах; его улыбка стала пугающе дерзкой, словно он бросал мне вызов: кто из нас сильнее?

Нашу дуэль взглядов прервал внезапный шум у дома. Что-то темное и стремительное кружило снаружи, вызывая острое чувство тревоги и предчувствие беды.

Кaleb, устремив взгляд вдаль, произнес суровым, полным страха голосом: «Люди Себастьяна здесь, живо в дом!»

Он мертвой хваткой вцепился в руку Нины и потащил её к кухне; я даже не успела осознать стремительность его резких и отточенных движений.

Алекс тем временем начал наступать на меня с такой наглой ухмылкой, которая не сулила ничего доброго.

Вики решительно выставила руку вперед: «Даже не думай переступать порог, я тебя не звала».

Алекс сократил дистанцию так, что я уперлась в его грудь; по пальцам пробежал электрический разряд, сердце бешено заколотилось, перехватило дыхание, а время словно замерло, пока мы гипнотизировали друг друга взглядами.

— Пригласи меня, Вики, — произнес Алекс ледяным, угрожающим тоном.

Я лишь молча смотрела на него, не в силах вымолвить ни звука, пока моя ладонь покоилась на его груди.

В этот миг из кухни показались Нина и Кaleb. «Алекс, ты можешь войти», — отчетливо бросила Нина.

Я перевела взгляд на неё, чувствуя себя преданной. Мало ей было одного монстра в этом доме?

— Нина, мы теперь в полной заднице... — не успела я закончить, как чьи-то мощные руки подхватили меня за ноги, закинули на плечо, словно мешок, и потащили во внутрь, пока я судорожно цеплялась за кожаную куртку Алекса.

— Отпусти меня, Алекс, ты...

Он внес меня в дом, но не спешил освобождать: «Тише, а то я решу, что тебе это по душе».

— Алекс, немедленно отпусти меня!

Он опустил меня на пол, но не отстранился; мы стояли вплотную, и я ощущала его дыхание на своей коже. С трудом взяв себя в руки, я толкнула его в грудь, но ничего не вышло — он лишь ухмыльнулся и сам отошел.

— Знаешь, Вики, мне понравилось. Повторим, но в следующий раз только вдвоем и на большой кровати.

— Мечтай, самовлюбленный кретин.

— Как скажешь, я уже начал, тебе понравится.

Я посмотрела на его самодовольную физиономию: «А вдруг не понравится? Зачем мне потом к психологу ходить?»

— Я бы рискнул.

В следующее мгновение из кухонной зоны донесся звон разбитого стекла.

Следом раздалось глухое, почти звериное шипение.

Она ворвалась в дверной проем и тут же замерла.

На кухне не оказалось ни души.

Лишь распахнутая створка окна. Осколки на полу. Влажный, ледяной ветер, колышущий занавеску.

Калеб застыл у раковины, напряженный, словно натянутая струна.

Алекс стоял у окна вполоборота; в его позе сквозила такая хищная опасность, что у Вики пересохло в горле.

— Что это было? — переспросила она.

— Разведка, — бросил Калеб.

Алекс даже не шелохнулся.

— Нет. Проверка границ.

Вики сделала шаг вперед.

Под подошвой хрустнуло стекло.

Сердце колотилось с безумной скоростью.

— Кто-то проник в дом?

— Кто-то пытался подобраться ближе, — отозвался Алекс. — Но дом оказал отпор.

Калеб первым двинулся к разбитому окну, слегка пригнувшись и всматриваясь в черноту двора.

— Трое, — негромко констатировал он. — Нет... четверо.

Алекс расположился ближе к кухонной двери, почти полностью перекрывая выход.

— Себастьян не стал бы медлить, если почувствовал твоё пробуждение.

— Весьма обнадеживающе, — съязвила Вики.

Её голос прозвучал почти ровно. Почти.

Внезапно Нина вцепилась ей в локоть.

— Вики...

Слишком тихо.

Слишком испуганно.

Вики резко обернулась.

Нина смотрела не на неё.

Она смотрела на окно.

И в этот миг Вики тоже заметила это.

Сквозь пелену дождя и прилипшие к раме осколки, в темноте двора проступал силуэт.

Высокий.

Неподвижный.

Лицо было едва различимо — лишь бледное пятно и глаза, слишком светлые и слишком внимательные, чтобы принадлежать человеку.

Он не пытался войти.

Не делал движений.

Он просто наблюдал.

И от этого зрелища кровь в жилах Вики заledenела.

— Не смотри, — мгновенно приказал Алекс.

Но было уже поздно.

Фигура за стеклом улыбнулась.

Не широко.

Почти вежливо.

И Вики ощутила, как в её сознание просачивается нечто ледяное.

Не так, как у Калеба. И не так, как у Алекса. Грубее. Грязнее.

Глава 9 Семейные скелеты в шкафу.

Утро выдалось изнурительным: я замерла с чашкой кофе, пытаюсь обрести подобие самообладания. Бессонная ночь прошла в тревожном ожидании, я вздрагивала от каждого шороха в пустоте дома. Даже с рассветом страх не отступил, хотя разум твердил, что вампиры избегают дневного света, особенно под палящим солнцем. Они способны скрываться в глубоких тенях, лишь бы прямые лучи не коснулись их кожи. А сегодня утро было именно таким — ослепительно солнечным, вызывающим у них отвращение. Крошечными глотками потягивая напиток, я лихорадочно выстраивала план действий. Мне необходимо отыскать старые архивы, найти хоть какие-то сведения о нашем древнем роде Холл. Нужно поговорить с Ниной и попытаться убедить её эмигрировать на другой континент ради собственной безопасности. Нужно договориться с Реймом о трех выходных, чтобы разгрести накопившиеся проблемы. В целом, покидать пределы поместья рискованно, ведь меня оберегает сама магия, пропитавшая эти стены.

Меня не отпускали мысли об Алексее. Я осознавала, что он не просто вампир, а древнее, пугающее и дерзкое существо — невероятно красивое и смертоносное. Стоит мне лишь встретиться с ним взглядом, как я начинаю терять волю. Если бы не моя притягательная, пьянящая природа ведьмы, он бы даже не удостоил меня вниманием. Я видела, как он действует на женщин: он был воплощением соблазна, способным заполучить любую лишь легким жестом. Поэтому я буду держать дистанцию, чтобы не совершить глупость и не влюбиться в этого жестокого хищника.

Поднявшись на второй этаж, я замерла перед дверью бабушкиной комнаты, не решаясь войти. Меня терзал страх: либо я найду там нечто пугающее, либо — что еще хуже — не обнаружу ничего. Мне жизненно необходимы сведения или оружие против Себастьяна, ведь я кожей чувствую его угрозу, а сдаваться он не привык. Я понимаю, что он жаждет меня живой, но что страшнее: оказаться мертвой или стать послушной марионеткой в руках искусного кукловода?

Что я знаю о Ведьмах? Почти ничего, кроме того, что в конце XV столетия Европу захлестнула волна гонений на колдовство. Появилось убеждение, будто чародеи массово заключают пакты с нечистой ради борьбы с христианами. В XVI веке начались масштабные судилища. Инструментом расправы стала Святая Инквизиция, изначально созданная для борьбы с ересью, к которой примкнули и светские власти, начав массово судить граждан за любые подозрения в магии. За два столетия борьбы с «ведьмами» и «колдунами» было проведено более 100 тысяч процессов, а свыше 50 тысяч человек были приговорены к смерти.

Причины этого безумия до сих пор вызывают споры. Историки полагают, что охота на ведьм — это классический поиск «козла отпущения». В обществе копилось напряжение: люди были измотаны нуждой и проявляли агрессию. На фоне этого росли экономически активные слои, вроде купцов и землевладельцев. У крестьян отнимали надель, толкая их к нищете и вынуждая перебираться в перенаселенные города. Добавьте к этому неурожайные годы — и всплеск ярости толпы был предreshен. В такой обстановке виновного либо находят сразу, либо создают искусственно.

К концу Средневековья старая система ценностей Запада перестала отвечать запросам времени, и эта энергия выплеснулась в поиск внутренних врагов. Подобные процессы в 30-40-

е годы XX века привели к еще более катастрофическим последствиям. Почему же жертвами чаще становились женщины? Историки видят в этом реакцию на попытки женщин повысить свой статус, который в Средние века был крайне низок из-за догмы о греховности Евы. Любая активная женщина, борющаяся за свои права, автоматически становилась подозрительной «ведьмой».

Современный мир изменился, и публичных охот на ведьм больше нет, но я уверена: если тайны моей семьи раскроются, радости это не принесет. Окружающие могут не просто отвернуться, а ополчиться против меня. В нашем городе меня и так недолюбливают за мой острый язык — что же будет, когда узнают, что я ведьма?

Я переступила порог комнаты, и в нос тут же ударил густой аромат лаванды — так всегда пахло у бабушки. С самого дня похорон я не решалась сюда заходить, словно боялась столкнуться с окончательностью её ухода. Чтобы заглушить эту пустоту, я изнуряла себя работой, стараясь проводить дома как можно меньше времени. Мне невыносимо не хватает её присутствия, её тепла и простых разговоров за чашкой ароматного травяного чая. Преодолев внутреннее сопротивление, я всё же вошла. Сначала я подошла к комоду: на нём стояли фотографии родителей, где они держат нас на руках — в те моменты мы были по-настоящему счастливы. При воспоминании о них в груди болезненно защемило от осознания, что я больше никогда их не увижу. Интересно, знала ли мама о нашем происхождении, о том, что мы — древний род ведьм, вынужденный скрываться? Я выдвинула ящик комода и обнаружила там лишь связки сушеных трав, личные вещи бабушки и старые альбомы — ничего, что могло бы пролить свет на правду. Закрыв комод, я окинула взглядом комнату и заглянула под кровать, где обнаружила лишь пару коробок со старым хламом.

Теперь я стою перед шкафом, пытаюсь решиться на его открытие. Это моя последняя надежда найти хоть какие-то зацепки. Я осторожно раздвигаю створки: на плечиках аккуратно висит бабушкина одежда, ничего примечательного, но некая неведомая сила тянет меня вглубь. Я отодвигаю вещи, за которыми скрывается задняя стенка. Пытаюсь сдвинуть её в сторону, но она неподвижна. Тогда я решилась зайти внутрь и коснулась поверхности рукой — в тот же миг моя метка вспыхнула ярким светом. Стена плавно ушла влево, открывая проход в тайную комнату. Я уже собиралась войти, как вдруг меня окликнула сестра.

— Вики, ты что там делаешь? — спросила Нина, подходя ближе.

— Нина! — я вздрогнула от неожиданности. — Ты меня напугала!

— Ты что-то нашла?! — она попыталась заглянуть мне через плечо.

— Пока только вход в потайное помещение. Ты знала, что оно здесь?

— Конечно нет, ты же помнишь, бабушка не любила, когда мы остаемся в её комнате одни.

— Тогда нам нужно проверить, что там, — твердо сказала я и сделала шаг вперед.

Нина резко схватила меня за руку: — Ты с ума сошла? Вдруг там опасно?

Я посмотрела на сестру: — Не опаснее, чем вчера.

Нина побледнела, вспомнив события прошлого дня. Только сейчас я заметила под её глазами темные круги и следы недавних слез. Мне стало невыносимо жаль её: сначала предательство, а теперь еще и смертельная угроза.

— Нина, всё будет хорошо. Хочешь, пойдем вместе?

Она напряглась, но крепче сжала мою ладонь.

— Хорошо, пойдем, но только вместе и не отпускай меня.

Я крепко перехватила её руку, и мы вошли внутрь. Нашупав на стене справа выключатель, я включила свет.

Яркая вспышка ослепила нас, и мне пришлось зажмуриться, пока зрение не восстановилось. Когда я открыла глаза, то увидела арсенал: деревянные колья, цепи, арбалеты и стрелы — настоящий склад оружия. Рядом лежали книги, пергаменты, склянки с неизвестными жидкостями и пучки трав. Я замерла, безмолвно изучая содержимое.

Нина отпустила мою руку и в ужасе схватилась за голову: — Господи, что это всё такое?

Я вышла из оцепенения: — Это те самые «скелеты в шкафу», о которых нам намекали.

— И бабушка нам ничего не рассказала? — прошептала Нина.

— Возможно, она просто не успела.

— Нужно было успеть, ведь теперь нам придется распутывать всё самостоятельно, вместо того чтобы знать тайны рода Холл.

Я посмотрела на сестру и поняла, что она права. Если бы мы знали правду, всё сложилось бы иначе. Мы бы не приближались к вампирам и держались от них подальше, или же заранее учились бы защищаться магией. Но теперь нам придется в кратчайшие сроки выяснять, как выжить в этом мире.

— Ладно, Нина, давай разделимся и займемся поиском информации.

Мы с сестрой разошлись в разные стороны. Сперва я изучала арсенал: возникло странное чувство, будто мы внезапно стали охотниками на вампиров. Зачем ведьмам такое количество оружия? Неужели оно передавалось из поколения в поколение? От этого зрелища мне стало не по себе. Затем я подошла к стеллажу с пергаментами и принялась их изучать. На некоторых был написан непонятный язык, на котором вряд ли кто-то говорит сегодня, на других красовались странные символы. Бумага была настолько древней, что часть текста уже выцвела. Наконец, я добралась до книжной полки и отыскала старый потертый блокнот, внутри которого обнаружила бабушкин почерк.

— Нина, кажется, я что-то нашла! — крикнула я сестре, которая в это время рассматривала склянки с загадочными жидкостями.

— Что там? — отозвалась Нина, подходя ко мне.

— Бабушкин блокнот. Я открыла последнюю страницу, и оттуда выпало письмо: «Для Вики и Нины».

Мы с сестрой обменялись взглядами, и я поспешила развернуть послание, написанное рукой бабушки.

«Дорогие мои девочки, Вики и Нина!

Если вы читаете эти строки, значит, мне не удалось открыть вам тайну нашего рода Холл. Простите, что вы узнаете всё таким образом. Вы слишком молоды, чтобы нести подобное бремя, но это неизбежно. Наш дар передается по женской линии. Одна из наших прародительниц, Дейзи Холл, была невероятно могущественной и опасной ведьмой около восьмисот лет назад. После бесконечных войн вампиры устали от того, что ведьмы властвуют над ними. Чтобы объединить свои кланы и уничтожить главных врагов, они решили истребить всех ведьм. Вампиры боялись ведьм, ведь те могли видеть их прошлое и будущее, причинять ментальную боль, а некоторые и вовсе способны были убить вампира, вызвав невыносимые страдания. Дейзи была одной из таких немногих. Когда вампирские кланы объединились для охоты, Дейзи начала создавать заклинание, которое запечатало бы её магию, сделав её невидимой для их чувств. С помощью этого обряда она спасла и нескольких близких подруг, которые разъехались по всему миру. Вампиры были убеждены, что ведьм больше не существует, за исключением одного — Себастьяна, который верил, что Дейзи жива, и пытался её отыскать. Неизвестно, что произошло между ними, но я точно знаю: вампиров и ведьм тянет друг к другу, и многие теряют голову от этой связи. Поэтому, мои дорогие, держитесь от этих монстров как можно дальше. Не позволяйте им обмануть вас, они смертельно опасны и способны на любую ложь ради своей выгоды. Вики, ты старшая сестра, оберегай Нину — она слишком

ранимая и доверчивая. Ох, как бы я хотела помочь вам! Вы так молоды и склонны к неосторожным поступкам. Хранительницей нашей магии должна была стать ваша мама, но она ушла слишком рано, и теперь эта роль ложится на вас. Вики, я знаю, что метка проявится именно на тебе, и ответственность на тебе огромна. В этой комнате много полезных сведений и книга заклинаний. Берегите себя, я вас очень люблю».

— Да уж, — произнесла Нина, когда мы закончили читать это послание. — Вики, значит, всё это не выдумка, и теперь нам неизбежно придется вступить в схватку с вампирами.

— Нет, Нина, для начала нам следует держаться от них как можно дальше, от каждого из них, понимаешь? Кaleb и Алекс представляют не меньшую угрозу.

Нина лишь закатила глаза: — Вики, ты как обычно, может, не стоит быть такой излишне категоричной?

— А что ты предлагаешь? Прийти к кому-то из них и броситься в ноги? Неужели ты веришь, что они проявят милосердие? У них, вероятно, даже души нет.

— Почему бы и нет? Я могла бы навестить Алекса, думаю, он не станет отказывать. К тому же Алекс — древний вампир, и Себастьян его не пугает, — заявила Нина, поправляя причёску.

Я взглянула на неё, пытаясь уловить скрытый смысл её слов: — Нет, Нина, он потребует свою цену. Тем более вчера он уже предлагал мне помощь, но исключительно на своих условиях.

— И каков был твой ответ?

— Разумеется, я отказалась. Он ничем не лучше Себастьяна, просто методы у него иные.

— Ой, Вики, с каких это пор ты стала экспертом в мужчинах? — с сарказмом заметила Нина, закатив глаза.

— Нина, это не просто мужчины, а смертельно опасные вампиры, которых интересует лишь наша кровь.

— Какая же ты упрямая, — бросила Нина и направилась изучать оружие наших предков.

— Мне необходимо дозвониться до Рея и взять отгулы, чтобы попытаться разобраться во всем, опираясь на информацию в этой комнате.

Нина лишь пожалала плечами и осталась на месте, а я отправилась к себе, чтобы найти мобильный телефон.

Я набрала номер Рея и соврала, что приболела — ну а как иначе? «Знаешь, Рей, я тут выяснила, что во мне течет кровь древней ведьмы, и мне нужно понять природу своей силы, чтобы сражаться, а может и убивать бессмертных, которые начали охоту на нас с сестрой». Думаю, за такие откровения меня бы точно отправили в психушку. Рей спросил, нужна ли мне его поддержка; он всегда опекал меня, возможно, относясь как к дочери, раз так и не обзавелся собственными детьми.

А теперь — самое трудное. Нужно убедить Нину собрать вещи и уехать подальше ради собственной безопасности, ведь из-за меня она теперь под двойным ударом. Вампиры могут использовать её, чтобы добраться до меня. Именно так поступил Кaleb, и Себастьян может действовать аналогично. А его следующие шаги я предугадать не в силах. Что ж, предстоит непростой разговор, пойду к ней.

Когда я вернулась в комнату к бабушке и вошла через потайную дверь, Нины там не оказалось. — Нина! — громко крикнула я, но ответа не последовало. Я бросилась к её спальне: — Нина! — но и там царила тишина. В комнате царил хаос, вещи были разбросаны — она собиралась в спешке. И тут меня осенило: она ведь говорила об Алексе.

— Нет, нет, только не он! — Я придушу её, когда найду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.